

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 95(57):332.025.13

А. Г. ДИАНОВСибирская государственная
автомобильно-дорожная академия,
г. Омск

ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОРГАНОВ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ИНСПЕКЦИИ В СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ 20-х гг. XX в. ЧАСТЬ I

Статья посвящена исследованию изменений, происходивших в составе и структуре органов рабоче-крестьянской инспекции в 1923–1925 гг. в Сибири. Автор выявляет особенности изменений внутренней организации органов рабоче-крестьянской инспекции в ходе их реорганизации, итогом которой стало объединение в Сибири органов рабоче-крестьянской инспекции и партийных контрольных комиссий РКП (б).

Ключевые слова: рабоче-крестьянская инспекция, структура, профессиональная подготовка.

В настоящее время в России завершён переход от одного общественно-политического устройства к другому. Государство усиливает контрольные функции на новой основе и в иных формах. Возрастает интерес исследователей к деятельности контрольных органов в различные периоды истории России.

В начале 20-х гг. рабоче-крестьянская инспекция (РКИ) была основным контрольным органом Советского государства. Она должна была осуществлять постоянный контроль над всеми организациями и предприятиями. В задачу инспекции входило пресечение злоупотреблений и улучшение работы подконтрольных ей учреждений. Одним из направле-

ний её деятельности был контроль над выполнением законов и распоряжений правительства [1, с. 18].

В 1923 г. в системе контрольных органов Советского государства происходят значительные изменения. Эти изменения были связаны с тем, что Советское руководство не было удовлетворено эффективностью работы рабоче-крестьянской инспекции. Летом 1922 г. в стране развернулась дискуссия о месте РКИ в системе органов государственной власти.

Споры о месте РКИ в системе государственной власти и методах ее работы были в основном завершены с выходом работ В. И. Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше да лучше»,

опубликованных в январе — марте 1923 г. Руководство страны положило в основу реорганизации РКИ идеи, изложенные в этих работах. В них В. И. Ленин определил новые стержневые задачи, которые должна была решать рабоче-крестьянская инспекция. Основным направлением деятельности рабоче-крестьянской инспекции стала работа по усовершенствованию государственного аппарата, а главным методом ее осуществления был выбран инспекционно-обследовательский [2, с. 15].

Реорганизация центральных органов контроля — центральной контрольной комиссии РКП(б) (ЦКК) и народного комиссариата рабоче-крестьянские инспекции СССР (НК РКИ СССР) в основном завершилась осенью 1923 г. Процесс выработки основ деятельности объединенного органа партийно-государственного контроля (ЦКК — РКИ) и этапы организационной перестройки народного комиссариата РКИ СССР автор раскрыл в своей предыдущей работе [3, с. 11 — 13].

В Сибири процесс реорганизации отделений рабоче-крестьянской инспекции начинается с осени 1923 г. Это было связано с тем, что на XII съезде РКП(б) было принято решение о том, что реорганизация местных отделений РКИ должна проходить после окончания реорганизации НК РКИ СССР.

Главной задачей отделений рабоче-крестьянской инспекции в Сибири становится совершенствование государственного аппарата. Именно под этим углом зрения она проводит большинство своих ревизий и обследований. Изменение направлений работы не могло не сказаться на внутренней организации органов рабоче-крестьянской инспекции. Работа по совершенствованию государственного аппарата требовала более ответственных и грамотных работников, а также совершенствование структуры отделений РКИ.

Данная проблема в интересующий нас период была затронута в отдельных научных работах. Эти работы были опубликованы в 70-х — начале 80-х гг. XX в. [4 — 7]. Учитывая специфику общественно-политической жизни в данный период, некоторые аспекты, связанные с оценкой эффективности внутренней организации РКИ, не могли быть затронуты.

В январе 1923 г. сеть Сибирских инспекций состояла: из управления уполномоченного по Сибири, шести губернских РКИ (Алтайской, Енисейской, Иркутской, Новониколаевской, Омской, Томской), РКИ Ойратской области (в настоящее время Горно-Алтайская автономная область), РКИ Якутской и Бурят-Монгольской республик и специальных РКИ — Сибирское отделение путей сообщения (СибОПС), РКИ Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского военных округов. В ноябре 1923 г. Бурят-Монгольская и Якутская инспекции были переданы в подчинение Дальневосточной областной РКИ, а РКИ Восточно-Сибирского военного округа в феврале 1923 г. была упразднена в связи с ликвидацией округа.

В 1923 г. центральной проблемой, тормозящей осуществление сибирскими рабоче-крестьянскими инспекциями возложенных на них задач, как и в 1922 г., была кадровая проблема. Начало 1923 г. застает Сибирские РКИ со штатом, заполненным менее чем наполовину (49 %).

С января 1924 г. и по октябрь 1925 г. в сети сибирских инспекций произошло одно изменение. В сентябре 1924 г. было упразднено отделение РКИ Ойротской автономной области. Основная причина упразднения — невозможность обеспечить отделение шта-

том квалифицированных работников. Для постоянного наблюдения за деятельностью учреждений области и информации об этой деятельности СибРКИ учреждена должность уполномоченного. В начале 1924 г. был подготовлен проект ликвидации Новониколаевского отделения РКИ, увеличения за счет этого штата сотрудников СибРКИ. Проект был одобрен в НК РКИ РСФСР, но на состоявшейся в мае 1924 г. Сибирской партийной конференции было принято решение Новониколаевское отделение РКИ оставить [8, л. 5, 7, 14; 9, л. 80, 81].

В январе 1923 г. общий штат сибирских инспекций составлял 724 чел. Данные табл. 1 [10, л. 116; 11, л. 4об., 12, л. 40; 13, л. 29] показывают, что заполняемость штатов сибирских инспекций в январе 1923 г. по сравнению с январем 1922 г. ухудшилась и составляла менее половины (49 %).

Наибольшие трудности с комплектованием штата испытывала Алтайская, Омская и Новониколаевская РКИ, где заполняемость штата в начале года составляла 31 %, 42 % и 44 % соответственно [14, л. 6; 15, л. 197]. Трудности с комплектованием помимо общих для всех инспекций для Алтайской были связаны с отсутствием в этом регионе подготовленных для контрольной деятельности людей, для Омской — в отсутствии поддержки со стороны губисполкома и частой сменой заведующих РКИ, для Новониколаевской — тем, что наиболее подготовленные работники переходили в Сибирскую областную, находившуюся в Новониколаевске.

Томская, Иркутская и Енисейская РКИ были укомплектованы на 45 %, 55 % и 56 % соответственно [16, л. 17; 17, л. 5]. Томской и Иркутской к концу января 1923 г. удалось довести свой штат до 69 % и 78 % соответственно, но тем не менее он был значительно ниже, чем в начале 1922 г., — 88 и 88,5 соответственно [18, л. 136; 19, л. 1].

В среднем, согласно данным табл. 1, в течение 1923 г. штаты рабоче-крестьянских инспекций Сибири были заполнены на 57 %, что на 10,5 % ниже уровня 1922 г.

После резкого сокращения штатов осенью 1923 г. и увеличения заработной платы проблема комплектования штатов перемещается в иную плоскость — возросли требования к уровню подготовки сотрудников. Если раньше нескольких классов гимназии было вполне достаточно для поступления на службу в РКИ, то теперь инспекции ищут специалистов с высшим и средним образованием. Однако свободных специалистов в Сибири не было, а переманить из хозяйственных организаций было чрезвычайно трудно, поскольку средняя ставка в хозяйственных организациях составляла 200 руб. в то время как высшая ставка в СибРКИ была 150 руб. [20, л. 1; 21, л. 264].

Хотя недокомплект сотрудников в РКИ был в 1924 г. значительно меньше, чем в предыдущем, он приходился на наиболее квалифицированную часть — ст. инспекторов. В первый квартал 1924 г. недокомплект составлял около 20 %, в дальнейшем он снизился до 12 — 15 %. Более низкая наполняемость в начале года связана с низкой наполняемостью штата в областном (с мая 1924 г. краевом) отделении рабоче-крестьянской инспекции, где из 60 чел. штатных единиц в январе-марте 1924 г. в среднем в наличии было 45 чел., что составляло 75 % от штата. С уменьшением в апреле 1924 г. штата отделения до 50 чел. его наполняемость возросла до 90 % [20, л. 1; 22, л. 3].

Со второй половины 1924 г. наметилась тенденция, которая была характерна и в последующий пе-

Штат и его заполняемость
в Сибирских рабоче-крестьянских инспекциях в 1922–1924 г.

Год	Положено по штату	Состояло фактически	% к штату	Средняя численность сотрудников в году	
				Наличное число сотрудников	% к штату
На 1.01.1922	712	578	81	481	67,5
На 1.01.1923	724	355	49	303	57
На 1.01.1924	215	196	91	–	–
На 1.04.1924	212	186	–	–	–
На 1.10.1924	205	176	–	174,5	86
На 1.04.1925	205	166	–	–	–
На 1.09.1925	175	137	–	–	–

риод. До августа 1925 г. губернские инспекции стремились заполнить недокомплект работников специалистами высокой квалификации. Если свободные вакансии не заполнялись, а общая сумма выделенной для инспекции зарплаты распределялась на наличное число сотрудников — наибольшую доплату получали высококвалифицированные работники. Подобное распределение считалось нарушением, и время от времени руководители инспекции наказывались. Осуществляя подобную практику, руководство ряда губернских РКИ Томской, Омской, Алтайской, Новониколаевской исходило из того, что от низкоквалифицированных работников при проведении ревизий мало толку. Направляя дополнительные средства на повышение заработной платы высококвалифицированным специалистам, можно повысить их работоспособность и предотвратить их уход в хозорганы [23, л. 9, 10; 24, л. 8; 25, л. 80].

В среднем, согласно данным табл. 1, в течение 1924 г. штаты рабоче-крестьянских инспекций Сибири были заполнены на 86 %, что почти на 30 % выше уровня 1923 г. В январе — мае 1925 г. уровень заполняемости штата соответствовал среднему показателю за 1924 г. С июня 1925 г. в связи с начавшейся подготовкой к структурной реорганизации государственного аппарата (в том числе и рабоче-крестьянской инспекции), связанной с изменением административно-территориального деления Сибири и предстоящим в этой связи сокращением к 1 октября 1925 г. штата отделений, расположенных в бывших губернских центрах, в 4–5 раз, наполняемость штатов губернских отделений начинает постоянно снижаться, достигнув к 1 сентября 1925 г. уровня 50 % [26, л. 2; 27, л. 23; 28, л. 3; 29, л. 71].

Нормальная работа любой организации в значительной мере связана со стабильностью её трудового коллектива. Неустойчивость и значительные колебания штата (прибыло, убыло) в 1923 г. более чем в три раза превысили показатели 1922 г. В 1922 г. из инспекции убыло 119 чел., а прибыло 75, в 1923 г. эти показатели составили 408 чел. и 258. Если учесть, что среднее наличное число сотрудников составляло в 1923 г. 303 чел., а прибыло и убыло за этот период 666 сотрудников, то становится очевидным, что работоспособность инспекций в этот период не могла быть высокой [30, л. 2 об., 3].

Во-первых, до осени 1923 г. заработная плата сотрудников РКИ была значительно ниже, чем у сотрудников соответствующей квалификации в хозорганах. Многие сотрудники РКИ стремились перейти

ти на работу в хозорганы. Во-вторых, осенью 1923 г. происходит резкое сокращение штата РКИ, и инспекции были вынуждены уволить значительную часть сотрудников.

В 1924 г. и первой половине 1925 г. происходит стабилизация штатов рабоче-крестьянских инспекций. В 1924 г. при средней численности сотрудников в 174,5 чел. прибыло и убыло за год 69 чел., причем это в 6 раз ниже показателей 1923 г. Во второй половине 1925 г. в связи с предстоящим сокращением в основном происходит выбытие личного состава [26, л. 74; 31, л. 103; 32, л. 23].

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что к 1 января 1924 г. штат сибирских инспекций был сокращен более чем в 3 раза. Сокращение началось в августе 1923 г. Основанием послужило указание ЦКК и НК РКИ о сокращении штата рабоче-крестьянских инспекций с 12 до 2-х тыс. чел [33, л. 2].

Наименьшему сокращению был подвергнут штат Сибирской областной РКИ — с 72 до 60 чел., т.е. снижение не достигло фактической численности сотрудников (52 чел.). Это объяснялось тем, что в новых условиях на центральное отделение помимо общего руководства инспекциями и ревизий областных учреждений возлагались задачи по непосредственному проведению важнейших обследований в сибирском масштабе.

Штат губернских отделений согласно данным, представленным в табл. 2 [10, л. 116; 34, л. 113; 35, л. 13 об.; 36, л. 251; 19, л. 1], был сокращен более чем в 4 раза — с 580 до 130.

Наибольшему сокращению подверглось Алтайское, Иркутское и Новониколаевское отделения. В начале августа 1923 г., как свидетельствуют данные табл. 2, фактическое наличие сотрудников превышало утвержденные центры штаты. Это было связано с тем, что в Енисейской и Иркутской губерниях сотрудники, подлежащие увольнению, находились в этот период в командировке. В Томской губернии руководство РКИ удалось договориться с местной властью о предоставлении трем сотрудникам оплаты за счет местных средств.

Численность сотрудников военных инспекций сократилась в 3 раза с 60 чел. в начале 1923 г. до 20 чел. на 1 августа 1923 г. Фактическое сокращение было менее значительным, поскольку в наличии на начало 1923 г. было 43 сотрудника [37, л. 116].

В апреле 1924 г. происходит сокращение численности Сибирского краевого отделения РКИ с 60 до 50 чел. Это было связано с тем, что, в отличие от

Личный состав губернских отделений рабоче-крестьянских инспекций Сибири в 1923 г.

Таблица 2

Отделения	Положено по штату на 1.01.1923	Фактическое наличие на 1.01.1923	Положено по штату на 1.08.1923	Фактическое наличие на 1.08.1923	Фактическое наличие на 1.06.1925
Алтайское	100	32	20	20	15
Енисейское	80	45	20	24	19
Иркутское	120	66	25	27	22
Новониколаевское	70	31	15	15	13
Омское	100	42	25	25	18
Томское	110	49	25	27	22
Всего по ГубРКИ	580	265	130	139	109

губернских отделений РКИ, где заполняемость штата в первое полугодие после его сокращения в августе 1923 г. составляла около 100 %, краевое отделение было укомплектовано в этот период на 75–80 %. С 1 сентября 1925 г. в связи с подготовкой к реорганизации штаты губернских отделений РКИ были сокращены на 20 %. Штаты РКИ Западно-Сибирского, а после преобразования его в Сибирский военный округ РКИ Сибирского военного округа не менялись до 1 октября 1925 г. С 1 октября произошло сокращение штата с 20 до 13 чел. Штат Сибирской РКИ ж/д транспорта в 1924–1925 гг. составлял 20 сотрудников [13, л. 23; 20, л. 1,2; 32, л. 167 об.; 38, л. 12].

Результативность работы РКИ во многом зависела от уровня квалификации и опыта её сотрудников. Данные таблицы 3 [34, л. 116; 39, л. 23] показывают, что в январе 1923 г. только 96 % сотрудников сибирских инспекций имели высшее образование. В декабре численность сотрудников с высшим образованием в связи с сокращением штатов возросла до 19,9 %, увеличившись на 5 чел. Доля сотрудников со средним образованием возросла с 31 до 43 %. Значительной оставалась численность сотрудников с низким образованием. Около половины из них — это обслуживающий персонал. Сотрудники, занимающие административные и инспекторские должности и не имеющие среднего образования, были, как правило, членами РКП(б), постоянно занимались самообразованием.

На протяжении 1924 г. и января – сентября 1925 г. серьезных изменений в образовательной структуре сотрудников сибирских инспекций не происходит. Данные табл. 3 свидетельствуют, что после некоторого роста численности сотрудников с высшим образованием в октябре 1924 г. происходит их сокращение. Однако в связи с общим сокращением численности сотрудников в процентном отношении это сокращение было незначительно. Доля работников с высшим и средним образованием остается практически неизменной: 62,5 % в декабре 1923 г., 63,7 % в октябре 1924 г. и 60,6 % на 1 октября 1925 г. Довольно значительной к 1 октября 1925 г. остается доля имеющих низшее образование — 39,4 %.

Канцелярия и технический персонал в данный период составляли 21,4 % от общей численности инспекции, в основном это люди, имевшие низшее образование. Члены партии, занимавшие руководящие должности, в подавляющем большинстве были с низшим образованием. В самой слабой в образовательном отношении ГубРКИ — Новониколаевской — 61,5 % сотрудников было членами РКП(б).

В Иркутской РКИ, имевшей наиболее квалифицированный состав, членами РКП(б) состояло 21,7 % сотрудников [40, л. 40; 41, л. 3,4]. Очень низким был образовательный уровень сибирской краевой контрольной комиссии. Одна из причин — в контрольную комиссию могли быть избраны только те, кто имел дореволюционный стаж работы в партии. Из 15 членов краевой контрольной комиссии четверо продолжали работать на производстве (один — председателем коммуны, трое — рабочими) они приезжали на пленумы контрольной комиссии и на своих рабочих местах разъясняли политику партии. В партколлегии работало четыре человека, остальные либо работали на ответственных должностях в РКИ, либо совмещали ответственные должности в контрольной комиссии и РКИ. Из 11 постоянных сотрудников среднего образования имел один — Ростопчин Николай Петрович — председатель Сибирской краевой комиссии и заведующий Сибирской краевой рабоче-крестьянской инспекцией, двое окончили 4-летнее городское училище, в том числе заместитель председателя контрольной комиссии, являвшийся одновременно заместителем заведующего СибРКИ Банкович Ян Мартьянович. Восемь человек окончили 2–3 класса разных учебных заведений. Одна из причин низкого общеобразовательного уровня краевой контрольной комиссии состояла в том, что из 15 членов комиссии тринадцать — рабочие, один — крестьянин и один интеллигент — председатель [42, л. 144, 145, 167]. Определенную роль в закреплении кадров в органах рабоче-крестьянской инспекции сыграло постановление Сибирского бюро ЦК РКП(б), запрещавшего партийным и советским органам отзывать или переводить на другую работу инспекторов, а также руководителей РКИ без согласования с уполномоченным НК РКИ Сибири [4, с. 57]. Постановление затруднило переход сотрудников из РКИ в другие организации по собственному желанию. Для коммунистов он стал невозможен, однако среди членов партии специалистов с высшим и средним образованием было мало.

Наибольшие проблемы в привлечении специалистов с высшим образованием испытывали Новониколаевская, Алтайская и Енисейская рабоче-крестьянские инспекции, где в 1923–1925 гг. работало по два специалиста с высшим образованием. В связи с недостатком квалифицированных специалистов в октябре 1923 г. при Алтайской ГубРКИ были открыты курсы по подготовке и переподготовке инспекторов. Занятия вели специалисты высших, средних учебных заведений и сотрудники губкома ВКП(б) по программе, предусматривающей изучение

Таблица 3

Качественный состав Сибирских инспекций в 1923 г.

Период	По штату	По списку	Образовательный уровень				Стаж работы в РКИ			Партийность	
			Высшее	Среднее	Низшее	Неграмотные	Менее 1 г.	До 2-х лет	Более 2-х лет	Коммунисты	Беспартийные
На 1.1.1923 г.	724	355	34	110	204	5	141	51	163	71	284
На 31.XII.1923 г.	215	196	39	84	70	3	73	23	100	43	153
На 1.X.1924 г.	205	176	42	70	63	1	70	25	81	43	133
На 1.IV.1925 г.	205	166	29	61	76	—	63	30	73	53	113
На 1.IX.1925 г.	175	137	29	54	54	—	39	33	65	47	90

правил и форм научной организации труда, государственного аппарата, политэкономии и ряда других дисциплин. В ноябре 1923 г. курсы по подготовке и переподготовке инспекторов были организованы Новониколаевской и Енисейской инспекциями [5, с. 48; 35, л. 13 об.; 43, л. 337; 44, л. 26].

Во второй половине 1924 г. в сибирских инспекциях получила развитие такая форма повышения квалификации, как методические совещания. Наиболее успешно они проходили в Иркутске и Томске [24, л. 7, 9; 28, л. 3].

Уровень квалификации сотрудников Иркутской, Томской и Омской инспекций был выше, чем в среднем по Сибири, в 1923–1925 гг. от 4-х до 30 % сотрудников этих инспекций имели высшее образование. Наиболее подготовленный к ревизионной деятельности персонал имело Иркутское отделение РКИ. В феврале 1923 г. в связи с ликвидацией РКИ ВСВО в Иркутское отделение РКИ перешли на работу 10 инспекторов, имеющих стаж работы свыше 2-х лет. Из них четверо — с высшим образованием. В ходе сокращения в августе 1923 г. штата инспекции шесть старших инспекторов были переведены на должности инспекторов и четверо на должности помощников инспекторов [45, л. 5; 44, л. 1 об.; 46, л. 566].

Уровень квалификации сотрудников в немалой степени зависел и от стажа работы в инспекции. Согласно данным табл. 3, на протяжении 1923–1925 гг. происходило постоянное сокращение как в абсолютном, так и в процентном отношении численности сотрудников, проработавших в инспекции менее года. С 01.01.1923 г. по 01.09.1925 г. их доля в составе сотрудников РКИ сократилась с 40,6 % до 28,5 %. Рост доли работников со стажем более 2-х лет был незначительным: с 46 % 01.01.1923 до 47,4 % 01.09.1925 г. доля работников со стажем до 2-х лет увеличилась с 14,4 % на 01.01.1923 г. до 24% на 01.09.1924 г. Наиболее значительные изменения происходили в период с 01.04.1925 по 01.09.1925 гг. — с 18 % до 24 %.

Изменения как в образовательном уровне, так и в структуре стажа, происходившие в последние месяцы деятельности губернских РКИ, были в определенной степени связаны с подготовкой к предстоящей реорганизации в связи с изменением административно-территориального деления Сибири. Она предполагала разное сокращение численности местных инспекций и увеличение штата краевого отделения РКИ. Для подбора новых сотрудников в апреле – мае 1925 г. член коллегии КК Степняк и старший консультант СибРКИ Казанский объехали губернские отделения и провели предварительные переговоры с сотрудниками, которых они планировали использовать на работе в краевом отделении РКИ после изменения территориального деления Сибири [23, л. 3; 47, л. 91 об.; 48, 187].

Библиографический список

1. Дианов, А. Г. Органы рабоче-крестьянской инспекции Сибири на начальном этапе НЭПА: структура профессиональная подготовка и материальное обеспечение / А. Г. Дианов // Омский научный вестник. — 2009. — № 2 (76). — С. 18–22.
2. Дианов, А. Г. Преодоление кризиса рабоче-крестьянской инспекции в период становления НЭПА / А. Г. Дианов // Омский научный вестник. — 2009. — № 3 (78). — С. 12–15.
3. Дианов, А. Г. Создание объединенных органов партийно-государственного контроля / А. Г. Дианов // Омский научный

вестник. — 2013. Часть I. — № 3 (119). — С. 11–13. Часть II. — № 4 (121). — С. 12–16.

4. Анашкин, А. П. Становление и развитие партийно-государственного контроля в Западной Сибири (1920–1929 гг.) / А. П. Анашкин, М. С. Кузнецов. — Томск, 1982. — 208 с.

5. Анашкин, А. П. Ленинский план реорганизации рабоче-крестьянской инспекции и его осуществление на Алтае (1923–1924 гг.) / А. П. Анашкин // Сб. работ аспирантов кафедры истории КПСС. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1970. — Вып. 6. — С. 42–52.

6. Горестов, М. А. Ленинский план реорганизации Рабкрин и деятельность партийных организаций Сибири за его осуществление (1923–1925 гг.) / М. А. Горестов // В. И. Ленин и социально-экономические преобразования в Сибири за 50 лет Советской власти. — Красноярск, 1967. — С. 207–216.

7. Прокопенко, А. В. Подготовка и проведение реорганизации РКИ в Иркутской губернии на основе ленинских принципов (1923–1926 гг.) / А. В. Прокопенко // Вопросы истории и методики преподавания истории в школе. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. — С. 85–104.

8. ГАРФ Ф.Р. — 406. Оп. 2. Д. 1361.

9. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р. — 288. Оп. 1. Д. 203.

10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. — 374. Оп. 4. Д. 30.

11. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р. — 460. Оп. 1. Д. 110.

12. ГАНО Ф. Р. — 288. Оп. 1. Д. 138.

13. Ф. Р. — 288. Оп. 1. Д. 194.

14. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. Р.—12. Оп. 2. Д. 358.

15. (ГАНО). Ф. Р. — 288. Оп. 1. Д. 113.

16. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р. — 162. Оп. 1. Д. 9.

17. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р.—241. Оп. 1. Д. 605а.

18. ГАНО. Ф. Р. — 288. Оп. 1. Д. 118.

19. ГАТО. Ф. Р. — 320. Оп. 1. Д. 70а.

20. ГАНО Ф. Р. — 288. Оп. 1. Д. 189.

21. ГИАОО Ф. Р. — 460. Оп. 1. Д. 73.

22. ЦХАФ АК Ф. Р. — 103. Оп. 1. Д. 15.

23. ГАНО Ф. Р. — 288. Оп. 1. Д. 308.

24. ГАТО Ф. Р. — 320. Оп. 1. Д. 160.

25. ГИАОО Ф. Р. — 460. Оп. 1. Д. 647.

26. ГАНО Ф. Р. — 288. Оп. 1. Д. 137.

27. ГАНО Ф. Р. — 288. Оп. 1. Д. 192.

28. ГИАОО Ф. Р. — 460. Оп. 1. Д. 128.

29. ГИАОО Ф. Р. — 460. Оп. 1. Д. 143.

30. ГАНО. Ф. Р. — 288. Оп. 1. Д. 90.

31. ГАНО. Ф. Р. — 288. Оп. 1. Д. 288.

32. ЦХАФ АК Ф. Р. — 103. Оп. 1. Д. 24.

33. ГАРФ. Ф. Р. — 374. Оп. 4. Д. 1106.

34. ГАРФ. Ф. Р. — 374. Оп. 4. Д. 35.

35. Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИКК) Ф. П. — 1. Оп. 1. Д. 293.

36. ГАНО. Ф. Р. — 288. Оп. 1. Д. 119.

37. ГАРФ. Ф. Р. — 374. Оп. 4. Д. 39.

38. ГАНО Ф. Р. — 288. Оп. 1. Д. 204.

39. ГАНО Ф. Р. — 288. Оп. 1. Д. 197.

40. ГАНО Ф. Р. — 288. Оп. 1. Д. 158.

41. ГАКК Ф. Р. — 103. Оп. 1. Д. 15.

42. ГАНО Ф. Р. — 6. Оп. 1. Д. 2.

43. ГААК. Ф. Р. — 12. Оп. 2. Д. 337.

44. ГАНО. Ф. Р. — 288. Оп. 1. Д. 123.

45. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р — 460. Оп. 1. Д. 81.

46. Томский областной центр документации новейшей истории (ТОЦДНИ) — Ф. П. — 1. Оп. 1. Д. 673.

47. ГАНО Ф. Р. — 288. Оп. 1. Д. 136.

48. ГАНО Ф. Р. — 288. Оп. 1. Д. 225.

ДИАНОВ Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и политологии.

Адрес для переписки: dianov_60@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.10.2013 г.

© А. Г. Дианов

Книжная полка

Бурдин, Е. А. Волжский каскад ГЭС: триумф и трагедия России : монгр. / Е. А. Бурдин. — М. : Росспэн, 2011. — 398 с. — ISBN 978-5-8243-1564-6.

Монография посвящена исследованию государственной политики в области гидростроительства, которая в 1930–1980-е гг. привела к созданию Волжского каскада в составе восьми крупных гидроузлов и водохранилищ. На основе обширного комплекса источников впервые анализируется практическая реализация схемы «Большая Волга», в том числе процесс организации сооружения волжских гидроузлов, применение принудительного труда заключенных ГУЛАГа и подготовка территорий водохранилищ к затоплению, а также основные последствия гидростроительства для Поволжского региона и страны в целом.

Пчелов, Е. В. Правители России от Рюрика до наших дней : справ. пособие / Е. В. Пчелов, В. Т. Чумаков. — М. : Махаон Азбука-Аттикус, 2011. — 320 с. — ISBN 978-5-389-01713-9.

Уникальная по форме и охвату материала иллюстрированная книга содержит информацию о правителях, политиках и военных, деятелях церкви, культуры и науки за более чем тысячелетний период истории России. Книга может использоваться в качестве учебного пособия в средних школах, лицеях, колледжах, высших военных и гражданских учебных заведениях. Рассчитана на самый широкий круг читателей как в России, так и за рубежом.

ОБРАЗ ДРЕВНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ

Представленная вниманию читателей статья посвящена анализу образа древности в современных школьных учебниках. Автор сравнивает трактовки тех или иных событий древней истории, представленные в последнем советском учебнике по древней истории П. Ф. Коровкина и одним из наиболее распространенных современных учебников А. А. Вигасина, Г. И. Годера, И. С. Свенцицкой. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу, что современные исследователи во многом опираются на выводы советских ученых, но стремятся отойти от штампов предшествующей эпохи, что, однако, нередко ведет к отказу от собственных суждений.

Ключевые слова: историография советская, образ древности, учебники для средней школы.

Статья написана при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-3461.2012.6.

Возможно, один из самых волнующих вопросов — как и чему мы учим. Можно было бы высказать длинный ряд претензий к трём современным вузовским учебникам по истории древнего мира — Древнего Востока, Древней Греции и Древнего Рима (все — под редакцией В. И. Кузицина), которые напоминают плод неудачного и неполного компромисса между советским наследием и современными требованиями, но вузовские учебники — дело поправимое, поскольку при нормально функционирующей системе высшего образования студент в состоянии узнать больше из лекционного курса и самостоятельно прочитанных монографий, чем ему даёт учебник, составив своё мнение как об учебнике, так и о его теоретической базе. Конечно, это не самая простая задача для первокурсников (которым обычно и преподаётся история древнего мира), но более или менее решаемая. Если современная, затянувшаяся и запутавшаяся в своих целях и средствах, реформа образования оставит базовые основы нашего преподавания без изменений (а, как всякая затянувшаяся реформа, она может их только расшатать, но не заменить), то проблема с написанием нового вузовского учебника будет решена.

Гораздо серьезнее дело обстоит со школьными учебниками. Они формируют не только начальные знания об исторической эпохе, но и основы её образа. В современном мире не меньшее влияние на это оказывают современные средства массовой информации и киноиндустрия, однако учебник всё ещё является самой системной частью этого влияния. Говоря о постсоветских учебниках, мы предлагаем проанализировать ряд наиболее популярных книг (вообще, их гораздо больше: так, объём статьи не позволяет отдельно остановиться на комплексе учебников по истории, разработанном в Омске А. Н. Лукьяновым), по которым осуществляется преподавание древней истории в школе. Постсоветскими мы их называем прежде всего потому, что они построены на частичном отталкивании и частичном принятии советской традиции и не несут чётких следов новой системы идей и ценностей — как это было в случае с советскими школьными учебниками 30-х гг., прин-

ципально контрастировавшими с дореволюционными.

Сравним последний советский учебник по истории древнего мира Ф. П. Коровкина [1] и современный учебник А. А. Вигасина, Г. И. Годера, И. С. Свенцицкой [2].

Некоторые общие аспекты просматриваются уже при сравнении структур двух учебников (см. приложение 3). При общей очевидной преемственности (особенно в разделе «Жизнь первобытных людей»), есть и заметные отличия. Уже на уровне структуры из современного учебника исчезает понятие классов, меньше внимания уделено развитию научных знаний, но гораздо больше — религии (особенно христианству), исчезли словосочетания по принципу «рабовладельческое государство»; наконец, история древнего мира не закончена падением Рима в 476 г., а продлена до конца правления Юстиниана и вторжения славян на Балканы. Пожалуй, следует ещё отметить, что больший акцент сделан на описание повседневной жизни, и что века теперь означаются не латинскими, а арабскими цифрами; в целом (это уже касается содержания учебника больше, чем его структуры) уменьшено количество дат, терминов и имён собственных.

Но упрощение — не всегда дань отвержению методологии. Обратимся к отличиям в тексте. Ряд моментов в современном учебнике указывает на то, что теперь авторы постарались учесть уровень развития современной исторической науки и отказаться от ряда положений, за которые историческое образование в советский период держалось до последнего. Например, если в учебнике Ф. П. Коровкина сообщается, что в Египте из числа земледельцев выделились ремесленники, которые «перестали заниматься сельским хозяйством» [1, с. 37], то в современном учебнике эти слова отсутствуют: ремесло в Египте было почти всеобщим занятием земледельцев во времена межсезонья, и акцент на становлении отдельной сферы ремесленного производства в этом контексте вызвал бы у школьников искажение представлений о специфике древнеегипетской экономики. Исчезло и упоминание о египетских «кресть-

Сопоставление советского и постсоветского школьных учебников по Древней истории

Учебник Ф. П. Коровкина	Учебник А. А. Вигасина и др.
С. 39 «Рабовладельцы не работали, а жили за счёт труда рабов и крестьян».	С. 43 «Не только простые египтяне должны были исполнять все приказы фараона и угождать его прихотям. Он и вельмож считал своими слугами».
С. 53 «Религия в Египте укрепляла власть фараонов и господство рабовладельцев».	С. 53 «Всё должно было подчиняться воле фараона — не только люди, но и сама природа».
С. 68 «Сделайте выводы: а) чьи интересы защищали законы Хаммурапи; б) какой строй был в Вавилонском царстве?»	С. 70 «Так царь Хаммурапи защищал своих подданных от обращения в рабство. ... Ведь такой порядок тоже установили боги — есть люди свободные, а есть рабы, есть богатые, а есть нищие».
С. 83 «В Индии уже в древности были люди, понимавшие несправедливость разделения людей на касты. ... Однако большинство населения верило в богов и не осмеливалось бороться с порядками, будто бы установленными Брахмой».	С. 98 «Индийцы считали, что люди разных каст так же отличаются друг от друга по рождению, как животные разных пород. ... Ведь и у коровы, например, не может родиться жеребёнок или поросёнок» [2, с. 99, 102].
С. 121 (о становлении афинской демократии) «Страх перед народным восстанием вынудил аристократов пойти на уступки демосу».	С. 139 «Смута продолжалась долго, и ни одна сторона не могла одержать верх. Государство оказалось на краю гибели».
С. 122 «Реформы Солона не изменили положения рабов, привозимых в Афины из других стран».	С. 140 «Тогда самые благоразумные уговорили остальных начать мирные переговоры».
	С. 141 «С этого времени рабами в Афинском государстве были только чужеземцы».

нах-общинниках» [1, с. 38], поскольку в Египте существование общины в собственном смысле слова не зафиксировано. Если старый учебник говорит нам о становлении Афинского государства (тема, которая в советской науке традиционно освещалась по Энгельсу), то новый — о греческом полисе (хотя бы один важный термин добавлен, а не изъят) [1, с. 110–116; 2, с. 136]. Однако индийские варны так и называются в обоих учебниках кастами.

Отношения между рабовладельцами и рабами, а шире, всеми эксплуатируемыми — прежде всего крестьянством (в новом учебнике называемым «земледельцами») в советском учебнике трактовались как однозначно центральные во всём сюжете древней истории и однозначно понимались в терминах классовой борьбы (это понятие, как и понятие эксплуатации, вводилось, несмотря на ранний возраст детей, и на его усвоение уходили основные методические усилия учителей [3]). В новом учебнике отношения эксплуатации и распространение рабовладения в древности признаются (илотов признают рабами оба учебника [1, с. 124; 2, с. 144], тяжёлая эксплуатация рабов современным учебником также не отвергается, хотя описывается не так драматично [1, с. 38, 138–140, 195–197; 2, с. 37, 169–170, 226–227]), но поданы далеко не так однозначно [4]. Скажем, учебник Коровкина сообщает нам лишь то, что в Риме при Нероне казнили по несовершенному закону 400 рабов из одного дома, а современный учебник уточняет, что собралась толпа римлян, требовавшая не убивать невинных [1, с. 211; 2, с. 252]. В рассказе по Плутарху о римском триумфе после крушения Македонии старый учебник упоминает о несчастных детях царя, которые столь малы, что ещё не понимают всего своего несчастья и позора, будучи проведёнными пленниками в триумфальном шествии [1, с. 194], современный же учебник дополняет: «Глядя на малышей, римляне не могли сдержать слёз» [2, с. 223].

То же касается и социальных отношений вообще. Приведём несколько цитат (табл. 1).

Иногда, правда, трудно избавиться от впечатления, что авторы современного учебника уходят от того, чтобы определить собственную позицию по

ряду вопросов. Это происходит тогда, когда они переносят сложные проблемы истории древности в раздел закрепляющих вопросов по параграфу. В советском учебнике по любой общественной науке ответы на закрепляющие вопросы всегда можно было найти в основном тексте. Здесь иначе. Учебник Коровкина пишет прямо: «Республика в Риме была рабовладельческой и аристократической» [1, с. 183]. Учебник современных авторов не ищет лёгких путей: «Подумайте, было ли в действительности управление в Риме "общественным делом"» [2, с. 211]. Или, по поводу законов Хаммурапи: «Подумайте, почему за кражу вещи, скотины и раба наказывали одинаково?» [2, с. 68]. Или: «Нравятся ли вам наставления Конфуция? Если да, то чем?» [2, с. 105].

Конечно, появление возможности выбора при оценке той или иной позиции — вряд ли недостаток учебника. Но только в том случае, если за ним не скрывается растерянности самих авторов. Не случайно они с большим вниманием отнеслись к бытовой жизни и к историческим личностям. Отчасти это реакция на сравнительное безразличие к ним в предшествующем учебнике: у Коровкина, к примеру, нет ни слова о Клеопатре (а ведь школьника нужно готовить пусть не к фильму с Э. Тейлор, но к чтению Шекспира), в новом же учебнике она — одно из важнейших действующих лиц периода завершения гражданских войн [2, с. 244–246]. Подробно рассказано о деяниях и личности Александра — тут и старый опытный Парменион, и несколько крылатых фраз из исторических анекдотов, и трудность последнего Дария [2, с. 244–246].

Но быт и личность не могут дать ощущения целостности исторического процесса. Поэтому волей-неволей на место экономическим объяснением пришла политическая история, которая, конечно, при уровне пересказа для школьников обернулась преклонением перед силой. Хотели того авторы или нет, смягчая вопросы эксплуатации и усиливая рассказы о великих державах, они начинают петь гимн великой силе завоевательных походов и почти ничего не говорят о расплате за них. Подробнее, чем в старом учебнике, рассказано о военных походах египтян, о могуществе Ассирийской державы [2, с. 44–48,

83–87]. В важнейших предложениях (набранных жирным шрифтом) нередко подчёркиваются размер территории государств-агрессоров: «Ассирийская военная держава охватывала огромную территорию — больше, чем любое государство древних времён» [2, с. 85], «Вавилонское царство стало почти таким же огромным, как прежде Ассирия», «Персидская держава поглотила почти все государства, о которых до сих пор шла речь» [2, с. 92]. Почти маниакальный культ силы не может не смутить современного читателя; даже много раз критикованный в своё время дореволюционный учебник Д. И. Иловайского был определённее и глубже в том, на что читателю следует обратить внимание [5], и Ф. П. Коровкин также не забывал поставить проблему власти персов над подчинёнными народами [1, с. 72].

Как мы и говорили, величие держав едва ли не восхищает авторов нового учебника, а вот падение держав приписывается лишь жестокости отдельных правителей. Старый учебник рассказывал нам о конце древности в Китае как народных выступлениях против династии (в учебнике «семьи») Хань, а новый учебник рассказывает лишь о плохом императоре Цинь Шихуане [1, с. 89–92; 2, с. 111]. Вообще, народные движения и роль действия масс в истории в современном российском учебнике почти обойдены: за исключением, конечно, восстания Спартака, о котором, впрочем, сказано в итоге лишь то, что оно было очень опасным для Римского государства [1, с. 238].

Симптоматичен здесь пример Римской империи. В мировой историографии есть сотни поучительных размышлений на тему жестокости римлян и идеи расплаты Рима за свои злодеяния, рассуждений, может быть, излишне морализаторских, но, однако, и сейчас вполне приемлемых для начального уровня преподавания: пусть лучше история учит этому, чем классовой борьбе или вообще ничему. В современном учебнике эта проблема отсутствует вообще. Кризис империи и стабилизация Диоклетиана просто изъят, а далее, безо всякой связи, рассказывается о полномочиях Константина и его заботе о христианах. Мы узнаем о вторжении варваров на территорию Римской империи, но почти ничего не узнаём о внутренних проблемах государства: только о разложении колоната [1, с. 268–272]. Отказавшись от рассказа о падении рабовладельческого строя, авто-

ры нового учебника потеряли единую нить рассказа [4, т. 2., с. 277].

В общем и целом противопоставление двух учебников вполне очевидно. Для старого учебника история объективна и целенаправленна. Для нового: увлекательна, и пока не более того. Объяснения изъятые, а других нет. Дыры в повествовании заполнены интересными и благочестивыми историями. Конечно, марксизма здесь в полном смысле слова нет, и трудно судить однозначно, какие варианты моделирования образа древности предоставляет этот новый учебник сознанию современных школьников. Но, на наш взгляд, эта «история без объяснений» заставит ищущие умы подбирать подходящие к заготовке объяснения, и нужно ли удивляться, что лучше всего туда лягут, после некоторой корректировки, те же самые базовые элементы советского марксизма. Следует сказать, что учебники, появившиеся в более позднее время, ничего в этом плане не изменили.

Библиографический список

1. Коровкин, Ф. П. История древнего мира : учебник для 5-го класса / Ф. П. Коровкин. — 18-е изд. — М. : Просвещение, 1978. — 240 с.
2. Вигасин, А. А. История древнего мира : учебник для 5-го класса общеобразовательных учреждений / А. А. Вигасин, Г. И. Годер, И. С. Свенцицкая. — 4-е изд., дораб. — М. : Просвещение, 1998. — 227 с.
3. Бахтина, О. И. Формирование у учащихся классового подхода при изучении истории в 5-м классе : пособие для учителя / О. И. Бахтина. — М. : Просвещение, 1986. — С. 9, 29.
4. Немировский, А. И. Античность. История и культура : пособие для учащихся старших классов школ, гимназий, лицеев. В 2 т. Т. 1 / А. И. Немировский, А. С. Ильинская, В. И. Уколова. — 4-е изд., испр. и доп. — М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 1999. — С. 3.
5. Иловайский, Д. И. Древняя история. Средние века. Новая история / Д. И. Иловайский. — М. : Современник, 1997. — С. 32.

КРИХ Сергей Борисович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры всеобщей истории.

Адрес для переписки: worldhistory2002@rmail.ru

Статья поступила в редакцию 28.05.2013 г.

© С. Б. Крих

Книжная полка

Политическая история русской эмиграции 1920–1940. Документы и материалы : учебное пособие для вузов / Под ред. А. Ф. Киселева. — М. : Владос, 2012. — 776 с. — ISBN 978-5-691-00305-9.

Данное издание — первый опыт систематического описания основных течений политической жизни эмиграции, ее идеологии и практики. Основу книги составили материалы из Государственного архива Российской Федерации, Центрального архива ФСБ России, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, материалы эмигрантских периодических изданий, отдельные труды и мемуары эмигрантов. Читатель значительно расширит круг знаний о таких крупных фигурах, как Е. К. Миллер, П. Б. Струве, И. А. Ильин, Н. В. Устрялов, П. Н. Савицкий, А. Л. Казем-Бек, П. Н. Милуков, митрополит Антоний (Храповицкий), и о многих других деятелях эмиграции, чей опыт осмысления русской революции 1917 г. и поиски путей преобразования России были долгое время предметом ведения «спецхрана», а теперь должны занять свое достойное место в истории России XX века. Учебное пособие адресовано студентам и преподавателям вузов.

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1968—1991 гг.)

В нашей стране патриотическое воспитание молодежи всегда было и всегда будет актуальной темой. Одним из важнейших направлений воспитательной работы является военно-патриотическое воспитание, призванное внести решающий вклад в дело подготовки умелых и сильных защитников Родины. Для того чтобы деятельность в этом направлении была успешной, необходимо обращаться к историческому опыту, т. е. к лучшим достижениям военно-патриотического воспитания (ВПВ) в советский период российской истории. В данном случае имеется в виду временной отрезок с конца 60-х до начала 90-х гг. XX в., когда военно-патриотическое воспитание молодежи и в целом по стране, и в отдельных ее регионах достигло наибольшего уровня развития и эффективности.

Ключевые слова: военно-патриотическое воспитание, школьники.

Военно-патриотическому воспитанию¹ в нашей стране серьезное внимание уделялось и в дореволюционной (после поражения в войне с Японией 1904—1905 гг.), и в советской школе. В 1911 г. в школьных программах появился предмет под названием «Подготовка к военной службе», ставший обязательным. Его главные задачи были сформулированы следующим образом: «Духовно и физически подготовить юношей к предстоящей службе в рядах армии; укрепить в них любовь к царю и Родине, приверженность к закону и порядку; развить физически, ознакомить с военным строем и с воинскими дисциплинами» [1, с. 12—14].

На «словесных» уроках детям рассказывалось об истории Отечества, войнах русского народа за свою независимость. Прививались понятия о мужестве, великодушии, честности, справедливости, правдивости, а также о дисциплине, трезвости, вежливости, опрятности, бережливости. На практических занятиях ребят обучали действиям при оказании помощи в несчастных случаях и стихийных бедствиях (пожар, наводнение и т.п.). Школьники изучали обязанности дежурного, учились отдавать рапорт, команды, приказания, ответы на приветствия, на благодарность. На строевых занятиях они осваивали стойки, повороты, маршевую ходьбу и бег.

После победы Октябрьской революции, наряду с другими проблемами, остро встал вопрос об организации вооруженной защиты первого в мире социалистического государства. 22 апреля 1918 г. ВЦИК принял декрет о введении допризывной военной подготовки. В связи с этим Наркомпрос дал указание своим органам на местах принять надлежащие меры к постановке военно-физического воспитания детей и молодежи как одного из условий пополнения Красной Армии подготовленными бойцами и создания ее резервов. Важное место в деле военно-патриотического воспитания заняло изучение школьниками общественных дисциплин. Наркомпрос в своих указаниях от 2 августа 1928 г. «О воспитательной и обра-

зовательной работе трудовой школы в связи с задачами обороны страны» отмечал, что «подготовка учащейся молодежи к защите Советского государства проводится и должна проводиться не эпизодически, не в виде кампаний или специальных курсов военных наук, вводимых в школе, а как система, органически вошедшая в систему социального воспитания и образования» [2, с. 3—6].

Введение в школах начальной и допризывной военной подготовки в 1939 г., согласно закону о всеобщей воинской обязанности [3], позволили значительно повысить качество военно-патриотического воспитания учащейся молодежи.

Особое внимание военно-патриотическому воспитанию учащихся уделялось в годы Великой Отечественной войны: перед школой как никогда остро стояла задача внести свой вклад в непосредственную подготовку молодежи к защите Родины. Военное обучение в тот период было теснейшим образом увязано со всей учебно-воспитательной работой.

В послевоенный период формы и методы военно-патриотического воспитания получили свое дальнейшее развитие. Однако в 1962 г. начальная военная подготовка была отменена, что привело к сворачиванию работы по изучению героических подвигов советского народа, военно-физкультурной работы, к закрытию кружков по военно-техническим видам спорта, к прекращению военно-спортивных игр.

Хорошо, что возникшие существенные пробелы в военно-патриотической работе были своевременно замечены. О необходимости ее улучшения говорилось уже на июньском (1963 г.) Пленуме ЦК КПСС. Важным документом, нацеливающим школы, органы народного образования, комсомольские организации, организации ДОСААФ на проведение этой работы, явилось совместное постановление ЦК ВЛКСМ, Министерства просвещения СССР и ЦК ДОСААФ «О дальнейшем усилении военно-патриотического воспитания учащихся и повышении уровня работы организаций ДОСААФ в школах» [4].

Формы военно-патриотического воспитания

Первая группа	Общие формы политического воспитания: — сеть политической учебы, партийного и комсомольского просвещения, политические информации; — лекции; — беседы; — доклады; — организованное прослушивание, просмотр радио- и телепередач и т.д.
Вторая группа	Внеклассная работа: — походы по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа; — юнармейские движения; — военно-спортивные игры «Пехотинка», «Гайдаровец», «Зарница», «Орленок»; — участие в работе патриотических клубов, объединений, школ, военно-спортивных лагерей, поисковая работа и т.д.
Третья группа	Формы воздействия на чувства и эмоции: — митинги, массовые театрализованные мероприятия; — встречи с ветеранами; — посещение выставок военной техники и оружия, музеев.
Четвертая группа	Формы практического участия: — создание материально-технической базы военно-технического обучения, оформление наглядной агитации, стендов; — почетная вахта у Вечного огня; — забота и уход за памятниками героям; — сбор музейных экспонатов; — шефство над ветеранами и инвалидами войны и труда; — шефство над воинскими частями и боевыми кораблями ВС; — акции «Равнение на подвиг», «Подвиги отцов будем достойны»; — движение среди призывников за право служить на подшефных заставах и кораблях, носящих имя родного города или края, в подразделениях, где в списки личного состава навечно занесены имена героев-земляков.

Постановлением рекомендовались и конкретные формы военно-патриотического воспитания: отряды юных друзей Советской Армии и пограничников; клубы и секции юных космонавтов, ракетчиков, моряков, дзержинцев; комнаты и уголки боевой славы; походы по местам боев; военизированные игры; вечера и конференции на военно-патриотическую тему. Внедрение этих мер было, безусловно, нужным, однако недостаточным для того, чтобы поднять качество призывного контингента на необходимый уровень. Требовалось вернуть начальную военную подготовку в учебный план средней школы.

После того, как в 1968 г. НВП была возвращена в школу, военно-патриотическая работа значительно оживилась. При этом следует отметить, что еще до введения НВП в старших классах для учеников среднего школьного звена была разработана система внеклассных мероприятий по военной подготовке. В ее основе была стрелковая подготовка, которая проводилась с учащимися 4–8 классов: ученики 4–6 классов упражнялись в стрельбе из пневматической винтовки, а старших классов — из малокалиберной.

Важным шагом в теоретическом осмыслении опыта военно-патриотического воспитания стали научно-патриотические конференции, организованные Министерством просвещения СССР, Академией педагогических наук СССР, Министерством просвещения РСФСР, Центральным Советом Педагогического общества РСФСР во многих городах, областях и союзных республиках нашей страны. При Министерстве просвещения РСФСР был создан научно-методический совет по военно-патриотическому воспитанию, а при Академии педагогических наук СССР — проблемный совет по патриотическому и интернациональному воспитанию, в составе которого имелась проблемная группа по военно-патриотическому воспитанию.

Анализ архивных документов крайОНО, облОНО, военных комиссариатов Западной Сибири

дает возможность определить множество разнообразных форм военно-патриотической работы со школьниками, которые можно условно объединить в типовые группы (табл. 1).

Интересным и массовым мероприятием, проводимым по стране и отличавшимся сложностью структуры и длительностью проведения, являлся *поход школьников по местам революционной, боевой и трудовой славы*. В ходе этого патриотического движения обеспечивался комплексный подход, совершенствовались формы и методы воспитания, им придавалось актуальное, современное звучание. Каждый из этапов Всесоюзного похода посвящался важным датам истории страны, крупнейшим политическим событиям в жизни советского народа, связанных с рождением и развитием революционных, боевых и трудовых традиций.

В период с 1970 по 1980 г. в походах участвовали свыше 30 млн юношей и девушек. В результате работы юных патриотов в стране было открыто более 140 тыс. музеев, комнат и уголков боевой и трудовой славы, сооружено свыше 47 тыс. памятников и обелисков, подвиги 634 неизвестных героев страны перестали быть безымянными [5, с. 11].

Формирование патриотических чувств у школьников осуществлялось в ходе экспедиций «красных следопытов», прохождений партизанскими тропами, поисковой работы, встреч с ветеранами, тимуровской работы, операций «Алые звезды», «Никто не забыт и ничто не забыто», и т. д.

Тематические экспедиции молодежи были признаны одной из наиболее удачных форм военно-патриотического воспитания, они являлись составной частью Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа [6]. Заметное распространение эта форма воспитательной работы получила в школах Западной Сибири. Например, в г. Новосибирске были организованы «Клубы красных следопытов»

Количество школьников Западной Сибири, участвовавших в походах и экскурсиях по местам боевой, трудовой и революционной славы

Годы	Алтайский край	Омская область	Новосибирская область	Томская область	Тюменская область	Кемеровская область
Участвовали в походах, тыс. чел / *						
1974	450/82,1	331/67,2	395/94,5	123/35,4	378/102,9	400/101
1978	483/99,7	369/77,6	418/98,2	146/39,1	402/118,1	444/106,93
1982	517/123,2	392/93,4	460/100,2	167/42,5	454/135,52	503/119,7

*из них учащихся школ, тыс. чел.

(наибольшей активностью отличился такой клуб в школе № 120). В школе № 1 г. Омска был организован клуб «Искатель», который объединял всех учащихся школы. В 1975 г. здесь работало 16 поисковых отрядов, которые проводили свою работу по маршрутам марша «Всегда готов», «Моя Родина — СССР», «Салют, Победа!». Повсеместно в Сибири организовывались отряды «Следопыты Октября» [7]. Реликвии военного времени, собранные в походах, в большинстве своем воплощались в экспонаты школьных музеев, комнат и уголков боевой славы.

О растущих масштабах походов, их популярности среди школьников свидетельствуют данные, приведенные в табл. 2 [8].

Как следует из таблицы, количество школьников региона, участвовавших в походах и экскурсиях по местам боевой, трудовой и революционной славы в 1974 г., составляло 483 200 человека, в 1982 г. — 614 500 человек., т. е. за 8 исследуемых лет количество участвующих увеличилось на 22 процента.

Анализ архивных материалов приводит к выводу, что в регионе в 70-е — начале 80-х годов XX века не было ни одной средней школы, которая бы не включилась во Всесоюзный поход по местам боевой славы советского народа. И как важнейший итог: изучая боевой путь земляков, школьники организовывали шефство над ветеранами Великой Отечественной войны.

Так, в Ленинском районе города Тюмени школьники установили шефство над 167 ветеранами и инвалидами войны и труда [9]. В Омской области распространенным стало движение «Ветеран живет рядом», в Кемеровской области — «Ветеранам — комсомольскую заботу». Только в г. Тайге Кемеровской области действовало 350 подобных команд [10].

Ежегодно в день рождения А. Гайдара школьники проводили слеты тимуровцев, на которых подводили итоги шефства. А оно было самым разнообразным: школьники помогали ветеранам копать картофель, заготавливать сено, пилили и кололи дрова, ходили в аптеки, магазины, держали связь с больницами, шефствовали над госпиталями для инвалидов Великой Отечественной войны [11].

Эти мероприятия укрепляли связь прошлого и настоящего, способствовали воспитанию у молодого поколения сибиряков гордости за героическое прошлое страны, формировали прочное историческое сознание, необходимое в жизни чувство ответственности за будущее страны.

Важное место в работе по военно-патриотическому воспитанию школьников в исследуемый период заняла военно-спортивная игра «Зарница»², а в закреплении, расширении знаний и навыков по программе начальной военной подготовки учащихся IX — X классов — военно-спортивная игра «Орленок». Эти военно-спортивные игры получили все-

общий авторитет и признание, ежегодно в них участвовало несколько миллионов школьников.

В докладе заместителя заведующего отделом оборонной и спортивно-массовой работы ЦК ВЛКСМ В. М. Байбикова на пленуме Совета по ВПВ учащихся при Министерстве просвещения РСФСР, состоявшемся в июне 1977 г. в г. Омске, отмечалось: «Опыт показывает, что военизированные игры оказывают большое влияние на повышение успеваемости школьников по НВП, улучшение качества обучения будущего пополнения Советских Вооруженных Сил, выбор военной профессии. В школах Алтайского края стопроцентная успеваемость по НВП, подавляющее большинство юношей и девушек по этому предмету имеют хорошие и отличные оценки. Тысячи командиров и комиссаров юнармейских подразделений изъявили желание поступать в военные учебные заведения» [12, с. 74 — 77].

Действительно, цели и задачи военно-спортивных игр в школах Западной Сибири решались достаточно успешно. Анализируя отчетные документы краевых и областных штабов военно-спортивных игр, видим, что охват школьников мероприятиями плана военно-патриотического воспитания составлял от 50 до 90 процентов. Примером может служить информация о работе городского штаба военно-спортивной игры «Орленок» за 1981/82 уч. год в г. Тюмени [13]: «...В 30 школах города были сформированы юнармейские батальоны, объединившие 150 взводов с числом участников 4 500 человек. В 20 школах действовали школьные штабы военно-спортивной игры «Орленок». В течение года в военно-спортивных кружках обучались 2 500 человек. Нормы по стрельбе выполнили 1 009 человек, по медико-санитарной подготовке — 80 человек, по гражданской обороне — 200 человек [14].

Активно включились во Всесоюзную поисковую экспедицию «Летопись Великой Отечественной войны» 2560 юнармейцев. Ими было проведено:

- более 500 массовых мероприятий с числом участников 5 120 чел.;
- 98 туристских походов с числом участников 1200 чел.;
- 251 встреча с числом участников 3 254 чел.;
- 454 экскурсии в музеи и к памятникам (участников — 1 370 чел.);
- 78 тимуровских операций в помощь ветеранам войны и труда;
- 166 спортивных соревнований;
- 10 военно-спортивных игр на местности (участников — 840 чел.).

Кроме того, проводились соревнования по спортивному ориентированию, в которых участвовали 165 чел.; соревнования по разборке и сборке автомата с числом участников 50 чел. 350 юнармейцев сдали нормы ГТО.

Штаб игры «Орленок» контролировал службу на Посту №1. На территории Западной Сибири Вечный огонь горел в городах Тюмени, Новосибирске, Омске, Томске, Кемерово, Барнауле и др. Несение службы на Посту № 1 имело большое воспитательное значение.

За год службы на Посту № 1 вахту в Тюменской области пронесли все школы (около 1 250 человек). Городской штаб военно-спортивной игры широко пропагандировал свою работу в печати, радио и телевидении (5 статей в печати, 5 передач по радио, 3 передачи по телевидению). В неделю солидарности с 25 апреля по 2 мая на Посту № 1 стояли вместе с русскими школьниками и болгарские ребята³, которые обучались в школах № 4 и № 26 города Тюмени. Активизировалась работа в юнармейских батальонах школ. В результате проделанной работы увеличилось число юнармейцев, желающих поступить в военные училища [15].

Пост № 1 у мемориала Славы г. Барнаула был открыт по инициативе городского комитета комсомола 9 мая 1976 г. В школах города ежегодно разворачивалось соревнование по военно-патриотической работе за право первыми заступить на Пост № 1 у Вечного огня. Почетное право открыть пост № 1 было предоставлено караульному отряду средней школы № 78 — победителю соревнования. К середине 1980 г. около 10 тыс. пионеров и комсомольцев были удостоены права нести вахту памяти у Вечного огня. В любую погоду, зимой и летом, с оружием в руках лучшие ребята г. Барнаула с честью выполняли возложенную на них почетную обязанность — чтить память 14 тысяч барнаульцев, отдавших свою жизнь за Родину. Была разработана четкая система подготовки и проведения дежурства школ у мемориала Славы и организован штаб поста, в распоряжении которого находилось 250 комплектов юнармейской формы [16].

Горком ВЛКСМ совместно со штабом и райкомами комсомола составлял график дежурства районов. В свою очередь, райкомы ВЛКСМ, райОНО и советы ветеранов, исходя из годового графика, принимали решение о порядке дежурства школ районов. На бюро райкомов комсомола утверждались кандидаты начальников караула Поста № 1.

В течение семи дней работы почетного караула с ребятами проводились плановые занятия, политинформации, беседы, лекции, уроки мужества, часы поэзии, организовывались литературно-музыкальные композиции, викторины по военно-патриотической тематике. Работники военкоматов проводили инструктивные занятия с военруками, организаторами школ по вопросам подготовки и несения караульной службы. Жизнь караульных отрядов отражалась в стенной печати. Силами школьников выпускались боевые листки, «молнии», фотогазеты, стенгазеты. Параллельно с работой караула у Поста № 1 в период дежурства у мемориала Славы проводилась работа непосредственно в комсомольских организациях и пионерских дружинах школ города, где проходило соревнование между комсомольскими организациями и пионерскими отрядами за право заступить на вахту у Поста № 1 [17].

Весомый вклад в дело военно-патриотического воспитания школьников региона вносили местные партийные и советские органы краев, областей, городов и районов, профсоюзные, комсомольские организации, спортивные общества, общество «Знание», ДОСААФ, штабы Гражданской обороны, войсковые части, военно-учебные заведения, военные

комиссариаты. Многие значило постоянное шефство армейских молодежных коллективов над средними школами. Совсем не редкостью был внештатный пионервожатый с армейскими погонами. На территории СибВО их было свыше трех тысяч.

Свое влияние на военно-патриотическое воспитание школьников военкоматы осуществляли совместно с войсковыми частями и военно-учебными заведениями. Так, при Барнаульском высшем военном авиационном училище имени Главного маршала авиации К. А. Вершинина с 1968 г. была открыта 2-годичная школа юных космонавтов. Учащиеся проходили политподготовку, изучали аэродинамику, самолетовождение, радиооборудование, конструкцию самолета и двигателя, Уставы ВС СССР, сдавали нормативы спортивно-технического комплекса «Готов к защите Родины».

В Кемеровском высшем военно-командном училище связи активно работала военно-патриотическая школа «Юный связист», в Омском высшем общеобразовательном командном училище — секция «Спутник».

Курсанты Тюменского высшего военно-инженерного командного училища в 1970 г. шефствовали над 30 средними школами, двумя школами-интернатами, четырьмя профессионально-техническими училищами [18], а к 1974 г. над 42 школами [19]. В дни зимних каникул в пионерском лагере имени Лизы Чайкиной по традиции проводилась военно-спортивная игра «Зарница». Школьники с интересом выполняли учебно-боевые задачи игры под руководством курсантов-отличников боевой и политической подготовки [20].

В 1977 г. курсанты Кемеровского высшего военно-командного училища связи шефствовали над 15 средними школами, восьмью техникумами, четырьмя профессионально-техническими училищами, девятью радиоклубами.

Курсанты Новосибирского высшего военно-политического общеобразовательного училища имени 60-летия Великого Октября шефствовали над 34 средними школами, тремя техникумами, пятью детскими домами. Свыше 400 курсантов НВВПОУ работали пионервожатыми [21].

Омское высшее общеобразовательное командное дважды Краснознаменное училище имени М. В. Фрунзе шефствовало над 18 школами города. Курсанты проводили игры «Зарница», «Орленок», организовывали спортивные секции в дворовых клубах [22].

Военные училища помогали школам оборудовать военные кабинеты, строить стрелковые тиры и спортивные площадки, оказывать методическую помощь военным руководителям, предоставляли для проведения занятий свою учебно-материальную базу. Например, в 1984 г. Новосибирское высшее военно-политическое общеобразовательное училище посетило около 6 тыс. пионеров и школьников, с ними было проведено 120 экскурсий с показом техники и вооружения [23].

Курсанты Новосибирского высшего военно-политического общеобразовательного училища приняли участие в проведении Всесоюзной игры «Зарница-2», по результатам которой отряд «Мир» школы № 125, возглавляемый курсантом В. Хапиным, занял первое место на областном смотре-конкурсе по строевой песне и был удостоен туристической поездки в город Киев [24].

Проводилась действительно большая и плановая работа по развитию у молодежи гражданской ответственности, патриотизма, формированию профессионально значимых качеств и умений, особенно в процессе во-

енной и связанных с ней видов государственной службы, верности конституционному и воинскому долгу в условиях мирного и военного времени, высокой ответственности и дисциплинированности. Воспитание молодых людей было нацелено на уважение общепринятых норм поведения, на неприятие пьянства, употребления наркотиков, тунеядства, бродяжничества и т. д.

С началом т. н. «перестройки» именно ВПВ, равно как и Вооруженные силы в целом, оказались в числе главных объектов борьбы против «тоталитаризма», «империи зла» и «сверхмилитаризации». В ходе осуществления агрессивной и хорошо организованной кампании, стихшей лишь в конце 90-х годов, система ВПВ была дискредитирована, разрушена и изгнана из всех государственных институтов, из образовательной, культурной, научной сфер. Она лишилась какой бы то ни было поддержки со стороны властных структур.

Примечания

¹ В 1962 г. был введен термин «военно-патриотическое воспитание» (ВПВ), который наиболее полно отражал истинное содержание этого понятия. До рассматриваемого периода использовались формулировки «воспитание воинского духа», «военное воспитание», «военно-политическое воспитание», «боевое воспитание», «военно-оборонное воспитание», «военно-физическое воспитание» и т. д. Выражение «военно-политическое воспитание» впервые было использовано в партийном документе — в Приветствии ЦК КПСС V Всесоюзному съезду ДОСААФ // Советский патриот. 1963. 23 мая.

² 10 января 1967 года в газете «Пионерская правда» был опубликован приказ № 1 Первого командующего игрой, Героя Советского Союза, маршала артиллерии Василия Казакова, где ставилась задача по формированию юношеских батальонов и обучению юнармейцев навыкам армейской жизни, воспитанию в них любви к Родине, готовности защищать ее от внешних и внутренних врагов.

³ С сентября 1976 г. болгарские рабочие участвовали в возведении народнохозяйственных объектов на территории Тюменской области. Дети болгарских рабочих обучались в средних общеобразовательных школах г. Тюмени.

Библиографический список

1. Шаров, А. В. «Потешные», «юные разведчики» и другие / А. В. Шаров // Военные знания. — 1992. — № 1. — С. 12–14.
2. Повышенная школа и оборона страны / Под ред. Пистрака М. М., Пичугина А. А. — М., 1929. — С. 3–6.
3. Закон о всеобщей воинской обязанности // Известия. — 1939. — № 202 (6972). — 1 сент.
4. О дальнейшем усилении военно-патриотического воспитания учащихся и повышении уровня работы организаций

ДОСААФ в школах : совместное постановление ЦК ВЛКСМ, Министерства просвещения РСФСР и ЦК ДОСААФ // Советский патриот. — 1964. — 8 дек.

5. Боевой помощник партии по военно-патриотическому воспитанию молодежи // Ленинский комсомол. — 1980. — № 5. — С. 11.
6. ГАРФ. Ф.2306. Оп.76. Д. 3562. Л. 49.
7. РГАСПИ ЦХДМО. Ф. М-1. Оп. 38. Д. 78. Л. 1–12.
8. По подсчетам одного из авторов на основе архивных документов отделов народного образования и военных комиссариатов Западной Сибири. ГАОО. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 1733. Л. 54.
9. Архив Тюменского областного военного комиссариата. Д. 487/12/75. Л. 56.
10. ГАКО. Ф. 126. Оп. 20. Д. 5. Л. 13.
11. ГАКО. Ф. 126. Оп. 20. Д. 5. Л. 14.
12. Вооруженным силам — достойное пополнение : сб. статей об опыте работы школ по подготовке учащихся старших классов к службе в Вооруженных силах. — М., 1978. — С. 74–77.
13. ГАСПИТО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1167. Л. 1–4.
14. Количество учащихся 8–10 классов средних школ, г. Тюмень в 1981/82 уч. году — 8413 человек // ГАСПИТО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1167. Л. 5–6.
15. ГАСПИТО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1167. Л. 4–6.
16. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 66. Д. 705. Л. 1–4.
17. ЦХАФАК. Ф. 482. Оп. 34. Д. 114. Л. 3.
18. Филиал Центрального архива Министерства Обороны. Ф. 10209. Оп. 10617ф. Д. 11.; Ф. 10206. Оп. 112425. Д. 2.; Ф. 10211. Оп. 126165. Д. 1.; Ф. 10191. Оп. 013076. Д. 3. (г. Пугачев).
19. Верность священному долгу // Тюменский комсомолец. — 1974. — 19 апр.
20. «Зарница» — состязание смелых // Тюменская правда. — 1975. — 10 янв.
21. Птенцов, П. Г. Патриотическое воспитание в высшей военной школе / П. Г. Птенцов. — Новосибирск, 1978. — С. 41.
22. ГАОО. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 1784. Л. 247.
23. Колодкин, В. Воспитывать патриотов Родины / В. Колодкин // Советский воин. — 1985. — 19 янв.
24. Филиал ЦАМО. Ф. 10204. Оп. 10509. Д. 3 (г. Пугачев).

КУТЕПОВ Виктор Анатольевич, кандидат исторических наук, заместитель начальника Учебного военного центра (институт военно-технического образования) Омского государственного технического университета.

РЫБАКОВ Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (Россия), профессор кафедры истории России института фундаментального образования Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина.

Адрес для переписки: kutepviktor@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.09.2013 г.

© В. А. Кутепов, С. В. Рыбаков

Книжная полка

Никонов, О. А. Источниковедение новой и новейшей истории / О. А. Никонов. — М. : Прометей, 2012. — 152 с. — ISBN 978-5-4263-0127-6.

Учебное пособие содержит дидактические материалы для организации учебной и учебно-исследовательской работы студентов в ходе освоения дисциплины «Источниковедение новой и новейшей истории», осуществления рейтингового контроля уровня сформированности источниковедческой компетенции. Адресуется студентам и преподавателям исторических факультетов высших учебных заведений.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕЛЬСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ХОЗЯЙСТВ И КРЕДИТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В данной статье на основе архивных и опубликованных источников рассматривается проблема кредитования банковскими учреждениями сельских предпринимательских хозяйств Западной Сибири в годы Первой мировой войны. Автор проанализировал основные кредитные операции региональных учреждений, показал их специфику в отношении сельскохозяйственного предпринимательства.

Ключевые слова: кредитные учреждения, Государственный банк, общества взаимного кредита, сельские предпринимательские хозяйства, Первая мировая война.

Модернизационные изменения в Сибири, которые наблюдались в конце XIX — начале XX вв., способствовали формированию и развитию здесь системы кредитных учреждений. Кредит выполнял важные функции в капиталистическом хозяйстве, способствуя перераспределению капиталов и выравниванию нормы прибыли, экономии издержек обращения, централизации, концентрации и накоплению капитала. С начала 1900-х гг. и вплоть до Первой мировой войны наблюдался рост кредитной сети и банков в регионе. К 1914 г. в Сибири было 10 отделений Государственного банка, 38 филиалов столичных акционерных и 17 городских банков, а также 9 обществ взаимного кредита [1].

Сельские предпринимательские хозяйства региона в конце XIX — начале XX вв. предъявляли большой и постоянно возрастающий спрос на денежном рынке. Кредит в его различных формах в предпринимательских хозяйствах получил достаточно широкое развитие и в годы Первой мировой войны.

Следует отметить, что мировая война оказала существенное влияние на развитие сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири [2]. Однако оценить это влияние однозначно невозможно. Имея дополнительные стимулы к развитию своих хозяйств, которые проявлялись в расширении рынков сбыта сельскохозяйственной продукции в связи с увеличением поставок в армию и центральные районы империи, в повышении цен на нее, а также в государственной политике, направленной на поддержку крупных хозяйств, сельские предприниматели расширяли посевные площади, увеличивали поголовье скота. Но в их хозяйственной деятельности наблюдались и негативные моменты, связанные с массовой мобилизацией мужского населения в армию, нехваткой свободных рабочих рук и определенными трудностями в снабжении необходимым оборудованием, техникой, запасными частями к ним. Во многом эти кризисные тенденции и явления были смягчены имевшимся экономическим потенциалом, так как производители товарной продукции были лучше приспособлены к хозяйствованию в экстремальных условиях [3].

Основная доля кредитных средств, так же как и в довоенное время, в годы Первой мировой войны шла на производственные цели — капитальные вложения в сельское хозяйство и пополнение оборотных фондов [4, с. 166 — 168].

Сельские предприниматели в военные годы пользовались главным образом банковским кредитом под залог земли и других недвижимых имуществ. Нельзя исключить кредитование сельскохозяйственного производства и частными лицами. Но достоверными источниками по этой проблеме мы не располагаем.

В годы Первой мировой войны в развитии предпринимательских хозяйств активное участие принимали региональные отделения Государственного банка, которые предлагали предпринимателям различные варианты кредитования. Отметим, что в этот период акционерные банки становятся менее популярными и начинают терять часть клиентов [5]. Причиной этого была война, с началом которой вкладчики стремились перевести свои средства в государственные и местные кредитные учреждения, как более надежные и стабильно функционирующие в условиях военного времени [6].

Важнейшей операцией государственного кредитного учреждения являлась ссудная операция. В качестве залога выступали товары, процентные бумаги, документы на товары, транспортные квитанции, недвижимость и др. Срок ссуды не превышал 9 мес. Ссуды на сельскохозяйственные товары выдавались на срок до 6 мес. [7]. Именно сельскохозяйственная продукция, в частности хлеб, еще с довоенного периода была основной формой залога в местных отделениях Государственного банка. Так, на 1 октября 1913 г. Омским отделением было выдано 56 ссуд под хлеб, одна ссуда под солод, одна ссуда под сливочное масло и три ссуды под орудия сельского хозяйства [6]. Причем ссуды выдались производителям, а не торговцам. Кроме того, по действующим правилам, заемщик получал ссуды под товары, которые находились на ответственном хранении у самого заемщика. Последний давал банку обязательство, что в случае невыручки от продажи товаров взыскание будет производиться с остального его имущества.

В Омском отделении Государственного банка в разные годы (1906—1917) кредитовались такие известные сельские предприниматели, как И. Ф. Матис (как сельский хозяин и торговец хлебом), братья Я. И. и Г. И. Шварц (как «хлебопашцы»), Р. Г. Шпехт (как владелец сыроваренного завода), И. Н. Долго-нировский (как землевладелец) [8]. Под залог зерна здесь пользовались кредитом также Е. М. Красюков, И. М. Карзин, Г. М. Попов, В. Р. Штейнгель, А. Х. Воропаев, Е. Л. Евстратенко, П. Г. Дрейлинг, М. А. Дедерер, И. Н. Терехов, В. И. Косицын, братья Ф. Х. и Н. Х. Коломийцы, братья М. П., Т. П. и Г. П. Телегины, А. Е. Мамонтов, Ф. М. Букин, Л. Ф. Федоров, П. Л. Регер, Л. Л. Петерс, В. П. Янцен (последние трое брали ссуды, не превышавшие 1 тыс. р.), Л. И. Реппенинг (в 1915 г. его кредит составлял 5,2 тыс. р.) [9].

Постоянным клиентом Государственного банка был известный в регионе сельский предприниматель И. И. Гейнрихс, бравший ссуды под залог хлеба. В 1914 г., имея потребность в оборотных средствах для ведения сельского хозяйства, И. И. Гейнрихс первоначально обратился в Омское отделение банка с просьбой об открытии кредита для получения ссуды, обеспеченной залоговым свидетельством на свое имение. Составив опись хозяйства и определив расход по нему в 20 тыс. р., секретарь Омского отделения Государственного банка С. М. Гордасевич признал возможным выдачу ссуды под залог имения (за него при продаже можно было выручить до 200 тыс. р.). Администрация Омского отделения, несмотря на военное время, была настроена благожелательно и приняла решение о предоставлении И. И. Гейнрихсу ссуды в размере 150 тыс. р. под залог имения. Но в Санкт-Петербурге сочли выдачу ссуды «ненадежным делом», так как хозяйство имело по закладной 104 500 р. долга, и в открытии кредита Гейнрихсу было отказано [10].

Но потребность в оборотном капитале ощущалась все острее, и И. И. Гейнрихс вынужден был в том же 1914 г. взять две ссуды под залог хлеба (42 тыс. п. пшеницы) на сумму 13 430 р., которые были погашены им в срок [11].

Объемы заложенного предпринимателями зерна свидетельствуют о том, что суммы их кредитов в Омском отделении Госбанка были значительными. Так, в 1914—1915 гг. П. И. Ран имел в залоге у данного учреждения 9 тыс. п. хлеба, М. А. Дедерер — 10 тыс., К. Г. Эш — 10 тыс., Г. П. Дрейлинг — 12,7 тыс., И. П. Изаак — 17,1 тыс., Г. В. Деркач — 19,1 тыс., Р. Г. Шпехт — 20 тыс., Ф. В. Дик — 29,8 тыс., И. М. Карзин — 70,4 тыс. п. [11].

По правилам, действующим в Государственном банке, зерно передавалось на ответственное хранение ссудополучателя. При этом периодически в течение всего срока погашения ссуды, уполномоченные банка проверяли сохранность и качество этого зерна [11].

Участие в кредитовании предпринимательских хозяйств принимали и частные акционерные коммерческие банки, хотя, как мы уже указывали, их роль постепенно ослабевала, особенно в годы Первой мировой войны, которая потребовала тотальной перестройки экономики, что, в свою очередь, привело к перераспределению финансовых потоков. Сеть филиалов акционерных банков широко начала создаваться в Сибири после завершения строительства Транссибирской магистрали, а к 1914 г. имелось 38 отделений этих банков, расположенных во всех крупных ее городах. В регионе имели свои филиалы

следующие банки — Сибирский торговый, Русско-Азиатский, Русский для внешней торговли, Волжско-Камский. Так, в Волжско-Камском банке в разные годы (1905—1915) имели кредиты более десятка предпринимателей. Из заемщиков, характер залога которых известен, только у одного долг обеспечивался ценными бумагами, остальные брали ссуды под товары и товарные документы (мясо, шерсть, зерно), что указывает на их связь с сельским хозяйством [8, с. 68; 12].

Сибирский торговый банк в своих региональных филиалах кредитовал торговлю скотом, хлебом, маслом и другими продуктами сельского хозяйства. Характер деятельности филиалов этого банка в Сибири хорошо иллюстрируется данными по Омскому отделению, где ссуды под масло составили 65 % всей суммы кредитов, под кожи и жировой товар — 15 %, живой скот — 15 %, зерновой хлеб — 3 % и под разные товары 2 %. Аналогичная структура подготовленного кредита в основном была характерна и для других отделений банка [4, с. 62].

Наряду с Государственным банком и акционерными коммерческими банками, свою нишу в кредитовании сельских предпринимателей занимали общества взаимного кредита, которые являлись «основой системы частного кредита». Эти кредитные учреждения готовы были работать с мелкими заемщиками, недостаточно «солидными», чтобы пробиться к менее дорогому кредиту в крупных банковских учреждениях [13].

Следует отметить, что деятельность обществ взаимного кредита в дореволюционной России имела ряд законодательных ограничений, существенно сдерживающих их развитие. К таким ограничениям можно отнести: установление предельного размера кредита, не соответствовавшего потребностям крупной и средней буржуазии; удорожание кредита в силу оплаты полной стоимости кредита при 10%-м взносе в основной капитал; имущественная ответственность членов общества и др. Поэтому в 1900 г. в стране существовало всего 113 обществ взаимного кредита. Но, в связи с дальнейшим развитием капиталистических отношений, вскоре стал наблюдаться настоящий «бум учредительства» подобных обществ, и уже в 1914 г. их число в Российской империи достигло 1069 [1]. В этот период были открыты общества взаимного кредита и в крупных городах Западной Сибири и Алтая — Омск (1910), Бийск (1911), Барнаул (1914), Камень (1915) и др. [14].

В 1910 г. было учреждено Омское общество взаимного кредита, которое производило учет торговых векселей, выдачу срочных ссуд и ссуд под соло-вексель (обеспечен залогом сельскохозяйственных имений). Основной целью данной кредитной организации было «доставлять» лицам, занимающимся торговлей, промышленностью и сельским хозяйством, «необходимые для их оборотов капиталы». Членами правления и приемного комитета общества в разные годы были известные в регионе сельскохозяйственные предприниматели — Ф. Ф. Штумпф, И. Ф. Лобачев, Г. И. Шварц, П. Н. Николенко, Я. И. Романенко, И. П. Изаак [15]. В его составе, по данным на 1913 г., насчитывалось 542 сельских хозяина, что составляло 61,9 % от общего числа членов (875 чел.). Сумма их кредита была 1 169 900 р., или 67,3 % от общей суммы кредитов, выданных обществом (1 724 400 р. — *Подсчитано автором*) [16].

В 1915 г. число сельских предпринимателей среди членов Омского общества взаимного кредита сократилось до 442 чел., что составляло 64,6 % от общего

их количества в 684 чел. При этом сумма их кредита была 925 400 р., или 65,2 % от общей кредитной суммы в 1 417 250 р. (*Подсчитано автором*) [17].

В условиях сокращения промышленного производства, расстройств транспорта и торговли данному кредитному учреждению удалось в 1916 г. расширить выдачу срочных ссуд под залог товаров и товарных документов. Общество в этот период принимало в основном в обеспечение кредитов только зерновой хлеб и муку [18; 19, с. 3]. При этом отметим, что в 1916 г. среди членов общества сельские предприниматели составляли 66,9 % (или 432 чел. от общей численности членов в 645 чел.). Сумма их кредита была 888 150 р., или 68,3 % от общей суммы в 1 300 250 р., выданной кредитной организацией на эти цели [19, с. 14–15]. Тенденция сокращения численности сельских хозяев и суммы их кредитования обществом сохранилась и в 1917 г. [20].

Характер производившихся в годы войны Омским обществом взаимного кредита операций и в большей степени его состав позволяют нам утверждать, что услугами этого кредитного учреждения широко пользовались именно сельские предприниматели.

Интересен такой факт, что самое первое в Сибири общество взаимного кредита, открытое в 1900 г. в Томске, до 1915 г. вообще не имело в своем составе сельских предпринимателей. И только с 1915 г. в данном кредитном учреждении среди его членов появляются сельские хозяева — 10 чел., сумма кредита которых была 5 800 р. [21, 22]. Возможно, это объясняется дефицитом у сельских предпринимателей в 1915 г. оборотных средств, который со временем стал еще более усиливаться под влиянием ухудшения экономической ситуации в регионе.

Вообще, для обществ взаимного кредита в Сибири характерен очень незначительный процент сельских предпринимателей в их составе [14]. В 1916 г. на первом сибирском съезде представителей данных организаций путем анкетирования 27 из 36 существовавших в регионе обществ взаимного кредита было установлено, что «численный состав обществ весьма неодинаков». Большинство среди членов обществ имели представители торгово-промышленного сообщества и служащие правительственных и общественных организаций, которые составляли 40 и 35 % соответственно. Сельские хозяева имели всего 1,5 % [23]. Так, по данным на 1 января 1916 г., в Барнаульском обществе взаимного кредита состояло 168 членов, из них 69 % — торговцы и промышленники, 17,8 % — служащие, 10,7 % — домовладельцы, 2,5 % — лица свободных профессий. На эту же дату в Каменском обществе взаимного кредита состояло 145 членов, среди них 62 % торговцев и промышленников, 15,8 % служащих, 12,4 % сельских домохозяев, 5,5 % домовладельцев, 4,1 % лиц свободных профессий [14]. Состав Омского общества взаимного кредита был исключением из правил, скорее всего, по причине достаточно активного развития в районе функционирования данного кредитного учреждения сельских предпринимательских хозяйств.

Анализируя «Отчетные записки» за 1910–1915 гг. управляющего Омского отделения Государственного банка о ходе операций последнего, можно воссоздать картину динамики деловой активности кредитных учреждений Западной Сибири во втором десятилетии XX в. Обработка статистических данных вышеназванного источника показывает, что пики деловой активности кредитных учреждений в регионе приходились на январь, июнь, июль, сентябрь, октябрь и декабрь. Спад в банковских операциях на-

блюдался с февраля по май, а также в августе и ноябре. Такой алгоритм деловой активности коммерческого кредита в Западной Сибири можно объяснить, во-первых, динамикой сельскохозяйственного года. Максимальная активность банков в изучаемом районе отмечалась в июле, когда на рынок выбрасывалось свежее масло «большого молока» и в сентябре–октябре, когда заканчивалась уборка урожая. Во-вторых, торговой динамикой в городах и сельской местности [24]. Определяющее влияние этих двух факторов не случайно. Именно торговля, с одной стороны, и производство сельскохозяйственной продукции — с другой, являлись основными условиями экономического развития Западной Сибири в этот период.

В целом связь предпринимательских хозяйств с кредитными учреждениями Западной Сибири была довольно тесной. Имея ресурсные возможности для увеличения производства, усиленные в период войны спросом со стороны государства на сельскохозяйственную продукцию, но испытывая определенные трудности в обеспечении своих хозяйств оборотными средствами, предприниматели активно прибегали к кредитным операциям. Вместе с тем нельзя не отметить, что в этот период наблюдается общее сокращение хлебной торговли и хлебозаготовочных операций и, как следствие этого, снижение потребности в кредитных средствах со стороны товаропроизводителей.

Библиографический список

1. Рабинович, Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. / Г. Х. Рабинович. — Томск, 1975. — С. 263.
2. Государственный исторический архив Омской области (далее — ГИАОО). Ф. Р–209. Оп. 1. Д. 742. Л. 8 об.
3. Кротт, И. И. Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в годы Первой мировой войны / И. И. Кротт // Вестник Омского университета. — Омск, 2012. — № 3 (65). — С. 103–108.
4. Кротт, И. И. Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в конце XIX — начале XX века / И. И. Кротт. — Омск, 2009. — 204 с.
5. Кижяева, Т. А. Коммерческие банки Алтая накануне и в годы Первой мировой войны / Т. А. Кижяева // Экономическая история Сибири XX — начала XXI века : материалы II Всерос. науч. конф. / Под ред. Е. В. Демчик. — Барнаул, 2009. — С. 128.
6. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 587. Оп. 33. Д. 1424. ЛЛ. 101 об., 114 об.
7. Алехин, М. Справочная книга по операциям контор и отделений Государственного банка. С подробным изложением правил и условий расчетов по взимаемым и начисляемым процентам каждой операции / М. Алехин. — Варшава, 1899. — С. 54, 99.
8. Зашибина, Е. Л. Немецкие коммерсанты в Омском Прииртышье в начале XX в. / Е. Л. Зашибина, А. Г. Киселев // Немцы. Россия. Сибирь : сб. ст. / Сост. и науч. ред. П. П. Вибе. — Омск, 1996. — С. 67.
9. ГИАОО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 137. ЛЛ. 1–5, 14–18, 38, 44–46, 54, 64, 74–79, 82, 101, 107, 117, 142, 160, 166, 168, 183, 188, 213, 232, 239, 293–295; Д. 108. Л. 140.
10. ГИАОО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 105. ЛЛ. 3, 5 об., 7 об., 10–11.
11. ГИАОО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 137. ЛЛ. 17–18, 23, 28, 29, 32–32 об., 35 об., 74, 79, 85, 93, 149, 160, 202, 207, 239, 264, 278.
12. ГИАОО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 2. Л. 28 об.; Д. 3. Л. 24 об.
13. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. / Отв. ред. М. В. Шиловский. — Новосибирск, 2009. — С. 166–167.

14. Банковское дело на Алтае. Вторая половина XIX — начало XXI века / Гл. ред. В. В. Земсков. — Барнаул, 2010. — С. 99—100.
15. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее — ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 3723. ЛЛ. 1, 2—13, 25; Ф. 342. Оп. 1. Д. 606. ЛЛ. 1, 120 об.
16. Отчет Омского общества взаимного кредита за 1913 г. (3-й операционный год). — Омск, 1914. — С. 4, 28.
17. ЦГА РК. Ф. 342. Оп. 1. Д. 652. Л. 28.
18. ЦГА РК. Ф. 342. Оп. 1. Д. 812. Л. 20.
19. Отчет Омского общества взаимного кредита за 1916 год. 6-й операционный год. — Омск, 1916. — С. 3, 14—15.
20. ГИАОО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 16. Л. 10 об. — 11 об.
21. Отчет Томского общества Взаимного кредита за 1905 год. — Томск, 1906. — С. 5.
22. Отчет Томского общества Взаимного кредита за 1915 год. — Томск, 1916. — С. 5.

23. Труды первого съезда Сибирских обществ Взаимного кредита, бывшего в г. Томске 20—22 ноября 1916 г. — Томск, 1916. — С. 9.

24. РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 1424. ЛЛ. 4 об., 5 об., 10 об., 18 об.—19 об., 23, 27—28 об., 30 об., 48 об., 59 об., 76 об., 77 об., 81, 101 об., 103 об.

КРОТТ Иван Иванович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: ivkrott@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.09.2013 г.

© И. И. Кротт

УДК 332.834.7(092)1091

В. Н. МЕНЬЩИКОВ

Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУПЦА ВТОРОЙ ГИЛЬДИИ Н. М. ЧЕРНЯКОВСКОГО (1790—1847)

Цель статьи — на примере изучения жизни яркого представителя лучшей части сибирского купечества первой половины XIX в., показать роль и значение субъективного фактора в развитии культуры, благотворительности в сибирской провинции.

Ключевые слова: благотворительность, бургомистр, В. Н. Штейнгель, Н. М. Черняковский, приходское училище, «Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии».

В истории сибирской провинции начала XIX в. было не так много представителей купечества, занимавшихся общественной и благотворительной деятельностью. Один из них купец г. Ишима Тобольской губернии — Николай Максимович Черняковский (1790—1847), человеческую сущность которого составляли качества, присущие лучшей части сибирского купечества 20—40-х гг. XIX в. — чувство гражданства, человеколюбие, смелость и предприимчивость. Он остался в памяти как заботливый «отец» города — бургомистр, состоятельный и просвещенный купец-благотворитель. Черняковский основал вторую школу в городе — приходское училище, приобрел здание для городской больницы. Через сорок с лишним лет после его смерти на завещанный женой купца капитал был построен храм — Никольская (Николаевская) церковь. Рядом с церковью открылась церковноприходская Черняковская школа. Улицы в месте расположения храма получили название Большая и Малая Черняковская.

Родился Николай Максимович Черняковский в 1790 г. (по ревизским сказкам 1812 и 1816 гг. — в 1788 г.) в мещанской семье [1]. В Ишиме семья Черняковских появилась примерно в 1793—1794 гг. Однако уже в 1795 г. отец семейства был взят в рекруты, и трое сыновей — Иван (род. в 1785 г.), Николай (род. в 1790 г.) и Александр (род. в 1793 г.) остались

на попечении матери — солдатки Марии Семеновны (род. в 1760 г.). По материалам переписи 1812 г. братья Черняковские значатся в списке мещан. После 1816 г. М. С. Черняковская упоминается в качестве солдатской вдовы. Положение семьи, на протяжении многих лет лишённой кормильца, было очень тяжелым. Не случайно в метрических книгах г. Ишима до середины 20-х гг. XIX в. фамилия Черняковских не встречается.

Бедность не способствовала социальной адаптации и установлению каких-либо прочных дружественных связей. Близких родственников у семьи, испытывавшей материальную нужду, в Ишиме не было. Вероятно, в этом заключается причина того, что братья Черняковские обзавелись семьями в достаточно зрелом возрасте. В этих суровых условиях формировались основные черты характера Николая Черняковского — сострадание к бедным, смелость и самостоятельность суждений и действий. В 1820 г. умирает от чахотки мать. Через несколько лет умирает старший брат — Иван [2]. После смерти брата Николай и Александр начинают испытывать судьбу в коммерческой деятельности, и в 1826 г. они оба значатся в списках купцов 3-й гильдии.

У Николая Черняковского и его жены Иулиании (Ульянии) Андреевны не было детей. Это немаловажное обстоятельство помогает глубже понять те

условия, в которых формировалась личность будущего купца-благотворителя. Бездетность, а следовательно, отсутствие наследников и продолжателей своего дела для купца всегда трагедия, тяжелое нравственное испытание. Отсутствовали наследники по мужской линии и у Александра Черняковского — сын Василий умер в младенчестве. Остались дочери Екатерина, Мария и Олимпиада (ум. в младенчестве). В 1830 г. умирает младший брат Н. М. Черняковского — купец 3-ей гильдии Александр Максимович Черняковский. С его смертью Н. М. Черняковский теряет не только последнего близкого родственника, но и делового партнера.

К моменту своего вступления во 2-ю гильдию, в 1832 г. Черняковский был в целом уже сформировавшимся человеком. Именно в эти трудные годы Н. М. Черняковскому могла быть оказана поддержка от единственного на этот период времени в Ишиме купца второй гильдии, первого ишимского мецената и благотворителя — Василия Фёдоровича Еманакова. В том же году, как свидетельствуют данные из метрических книг, между Н. М. Черняковским и В. Ф. Еманаковым уже установились прочные дружественные отношения. Личность В. Ф. Еманакова не могла не оказать огромного влияния на формирование мировоззрения Н. М. Черняковского. Это был наглядный пример подлинной благотворительности и христианского поведения. Немаловажную роль здесь играло и духовное родство этих двух людей, и сам образ жизни первого ишимского мецената.

Вступив во вторую гильдию, Н. М. Черняковский устанавливает дружественные отношения с местным купечеством, состоящим в третьей гильдии, даёт им ссуды и кредиты. В качестве крестного отца или поручителя при венчании он выступает у купцов Г. А. Постникова, М. Е. Москвина, Л. Г. Другова, А. К. Еманакова, В. И. Казанцева. Связывала Черняковского с купечеством и общественная деятельность — все вышеперечисленные личности были в разное время избираемы в качестве ратманов и городских старост.

Среди знакомых Н. М. Черняковского было немало разных людей, которых объединяло одно: все они были людьми по-своему интересными, со своей судьбой и жизненным опытом, отличавшимися от общей массы обывательских типов и характеров. Достаточно упомянуть декабриста барона Владимира Ивановича Штейнгеля и ссыльного дворянина Константина Егоровича Равича, человека неуравновешенного и беспокойного, находившегося под пристальным надзором полиции, которому Черняковский одалживал деньги и по просьбе которого стал его душеприказчиком. Такое достаточно независимое поведение в выборе знакомых могло в случае каких-либо подозрений в политической неблагонадёжности доставить Черняковскому немало неприятностей. Генерал-губернатор Западной Сибири Горчаков в 1837 г. поручил чиновнику по особым поручениям Трофимову произвести расследование поведения Равича и определить круг его общения: «До сведения моего дошло, что находящийся в г. Ишиме титулярный советник Равич проискавшими своими делает расстройство между жителями г. Ишима и даже между государственными преступниками, из писем коих я неоднократно видел жалобы на него». В поле зрения Трофимова, таким образом, попадала и фигура Черняковского. Тем более что сама фамилия Черняковского вызвала вопрос о польских корнях купца-бургомистра — а это обстоятельство на фоне массовой ссылки поляков

в Сибирь из восставшей Польши не могло не вносить определённый диссонанс в отношениях Н. М. Черняковского и вышестоящих инстанций. Однако это не смущало Н. М. Черняковского. Он продолжал оставаться самим собой.

Для своего времени и среды Николай Максимович Черняковский являлся образованным человеком и успешным предпринимателем. Следует также заметить, что, находясь на общественной службе, он за полвека до открытия в Ишиме городского общественного банка высказывал мысль о необходимости его устройства. Занимался торговлей мануфактурными, железными и галантерейными товарами, а также вёл меновую торговлю с казаками на пограничных линиях. Брал казенные подряды на поставку хлеба в северные города Тобольской губернии. Ездил на Ирбитскую ярмарку и через своих приказчиков и доверенных лиц оптом закупал необходимые для коммерции товары. В городе ему принадлежало пять лавок [3]. Черняковский имел собственный салотопенный завод. Полученный жировой товар сбывался иногородним купцам на Ишимской зимней Никольской ярмарке.

Первое крупное пожертвование — дом для городской больницы — Николай Максимович Черняковский сделал в 1834 г. До этого состояние здравоохранения в Ишиме находилось в плачевном состоянии. Жители города в случае крайней необходимости обращались за помощью к лекарю местной воинской команды. С появлением первой больницы проблема медицинского обслуживания населения не исчезла полностью, вместе с тем положительные результаты, хотя и скромные, были налицо. По данным на 1841 г., общее число больных за год, лечившихся в больнице, составило 72 человека. За это пожертвование Черняковский был представлен к первой своей награде — золотой медали на Анненской ленте.

В 1837 г. Н. М. Черняковский жертвует собственный деревянный на каменном фундаменте дом для размещения в нем приходского училища. Так в городе появилось второе, после открытого в 1817 г. уездного училища, учебное заведение. Приходское училище внесло свою лепту в развитие народного образования. По данным на 1884 г. в нём обучалось 39 детей из числа купцов и мещан, 27 крестьян и пятеро дворян. По численности учащихся в этот период приходское училище превосходило уездное, что свидетельствует о востребованности этой школы среди населения [4]. В 1893—1894 гг. в Черняковском училище обучалось 147 человек [5]. В доме имелись квартиры для учителя и смотрителя. Черняковский дал обязательство ежегодно вносить по 100 рублей на содержание училища и тем самым, по выражению генерал-губернатора Западной Сибири Горчакова, «дал средства открыть училище для первоначального обучения детей бедных отцов из сограждан своих, которого в Ишиме не доставало» [6] В 1838 г. на дальнейшее устройство училища и учителей Н. М. Черняковским было пожертвовано ещё 500 рублей, причем купец обязался к «ста рублям ежегодно училищу доставляемым» прибавлять ещё 300 рублей. По ходатайству директора Народных Училищ Тобольской губернии Черняковский был утверждён Почётным Благотворителем приходского училища, а его портрет выставлен в помещении этого учебного заведения. За вклад в развитие народного образования в крае в 1839 г. в г. Омске Н. М. Черняковскому была вручена вторая золотая медаль на Владимирской ленте.

Вся общественная деятельность Николая Максимовича Черняковского соответствовала его внутрен-

ней убежденности в важности и нужности служения ради общественной пользы. Жизнь «на показ» была совершенно чужда Черняковскому. Его благотворительность — это потребность души. Доказательством тому служит сохранившееся письмо купца ишимскому городничему от 13 августа 1841 г., написанное по поводу требуемого от Черняковского начальством подтверждения о желании купца и в дальнейшем оказывать помощь приходскому училищу. Приведем цитату из этого письма. Она как нельзя лучше раскрывает мотивацию общественной позиции и истоки благотворительной деятельности Н. М. Черняковского, показывает глубину и искренность его религиозного чувства, которое превалировало среди других его нравственных качеств купца: «На что Вашему Высокоблагородию сим имею честь объяснить, на пожертвование изъявил я желание с тем, чтобы во всё продолжение моей жизни безостановочно каждый год вносить означенную сумму 400 рублей ассигнациями, вследствие чего за сей текущий год мною та сумма и представлена господину Штатному Смотрителю здешних училищ... Обеспечения же теперь представить не имею. Кроме уверения, что доколе Бог продлит мою жизнь и доколе я буду в состоянии и звании второйой гильдии купца, я священным долгом поставляю себе вносить в помянутое училище безостановочно каждый год по 400 рублей ассигнациями и тем соблюсти святость принятой на себя обязанности» [7, л. 20]

Думается, что именно стремление Черняковского к добродетели способствовало тому, что, спустя многие годы, память о нем в сознании потомков не потускнела. В этом убеждает то упорство, с каким позднее Городовое хозяйственное управление и ишимское общество отстаивало свою позицию перед губернскими властями и епархиальным начальством по поводу выбора места для строительства храма на завещанный Н. М. Черняковским капитал. В 1845 г., в знак того, что он и дальше намерен помогать Ишимскому приходскому училищу, Черняковский представил западносибирскому Генерал-губернатору Горчакову билет государственного Коммерческого банка в 2 860 рублей серебром. В сопроводительной записке было сказано, что эту сумму он жертвует в собственность приходского училища с тем, «чтобы процентами обеспечился навсегда его Черняковского ежегодный взнос по 400 рублей ассигнациями в пользу означаемого заведения». По инициативе генерал-губернатора Горчакова было возбуждено ходатайство о награждении Н. М. Черняковского третьей золотой медалью — на Александровской ленте. Остается неизвестным, сумел ли Черняковский получить свою последнюю медаль, так как с момента обращения дирекции народных училищ с просьбой о награждении Черняковского, ему был отмерен судьбой только один год жизни. Одновременно с обеспечением банковскими процентами ежегодного взноса приходскому училищу, Черняковский, «движимый чувством благотворительности», внес сумму в размере 300 рублей серебром, на нужды Ялуторовского приходского училища.

В 1837 г. в Тобольской губернии был учрежден Тобольский губернский Попечительный о тюрьмах комитет, ставивший своей целью оказание благотворительной помощи арестантам губернии. Неудивительно, что появление комитета не осталось незамеченным Н. М. Черняковским. Деятельность этого учреждения была созвучна его душевным устремлениям. Однако практическая деятельность данного комитета была почти неощутимой (Ишимское отде-

ление Попечительного о тюрьмах комитета открылось только в 1856 г.) Положение арестантов Ишимского острога в 40-е гг. XIX в. с созданием этого губернского благотворительного учреждения несколько не улучшилось. Сам острог к этому времени находился в ветхом состоянии. Озабоченный таким положением дел, Черняковский предоставил тобольскому гражданскому губернатору билет государственного Коммерческого банка на сумму в 715 рублей серебром — с пояснением, что «он жертвует этот капитал навсегда Тобольскому Попечительному о тюрьмах Комитету, желая чтобы деньги оставались в Банке, а проценты употреблялись для достижения Высочайше назначенной Комитету цели» [8, л. 8—9, 13].

Вторым человеком, после В. Ф. Еманакова, оставившим заметный след в духовном развитии Н. М. Черняковского, был декабрист В. И. Штейнгель. Опальный барон Штейнгель по его просьбе определить ему место отбытия наказания поближе к Европейской России, был переведён на поселение из с. Елани Иркутской губернии.

Владимир Иванович Штейнгель (1783 г. рожд.) хорошо понимал роль и значение купечества в экономической жизни страны. Любопытно, что, зная о контактах Штейнгеля с купцами, накануне выступления декабристов на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., один из руководителей Северного общества К. Ф. Рылеев пытался использовать его связи в купеческих кругах и привлечь через него новых членов. Находясь под арестом в Петропавловской крепости, В. И. Штейнгель отправил 11 января 1826 г. на имя императора Николая I письмо, в котором присутствовал и сюжет с критикой правительственной политики в отношении купечества. Государственный преступник призывал царя «воскресить коммерцию и промышленность незыблемыми уставами». Разумеется, что, обладая такими взглядами, Штейнгель, прибыв в Ишим, не мог не обратить внимания на деятельность энергичного купца. Тем более что именно в год прибытия «государственного преступника» в Ишим, состоялось открытие основанного Черняковским приходского училища. Со своей стороны Н. М. Черняковский ценил общение с просвещенными людьми высокого интеллектуального уровня, к тому же ранг государственного преступника (или «нещастного», как называли Штейнгеля в Ишиме), сам по себе вызывал любопытство. Содружество двух таких незаурядных личностей — декабриста Штейнгеля и купца Черняковского, — привело к событию, имевшему большое значение в истории культуры края — был написан и впоследствии издан очерк научно-популярного характера — «Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии», одно из лучших произведений подобного жанра для того времени. В предисловии к «Запискам» В. И. Штейнгеля историк В. Семевский, ссылаясь на сведения, приведенные в книге К. Голодникова «Декабристы в Тобольской губернии», опубликованной в 1902 г. в Берлине в обобщающем труде под редакцией профессора Шимана «Восшествие на престол Николая I», писал: «Во время пребывания в Ишиме, Штейнгель по предложению ишимского купца Черняковского, члена Географического общества, написал весьма обстоятельное «Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии». Оно было напечатано позднее в «Журнале Министерства Внутренних Дел» без имени действительного автора; здесь были сгруппированы сведения статистические, экономические, этнографические

и другие» [9]. В конце работы было подписано: «Сообщено Н. Черняковским, ишимским купцом».

Не является столь важным вопрос — кто внес наибольший вклад в написание работы, Штейнгель или Черняковский. Первостепенное значение имеет сам факт участия купца Черняковского в подготовке этой работы. Не вызывает сомнения, что участие Н. М. Черняковского в подготовке этой работы было активным. К тому же заинтересованность Черняковского в участии сбора сведений объясняется объективными факторами. С созданием Тобольского губернского статистического комитета по распоряжению тобольского губернатора для участия в сборе статистических данных привлекались чиновники, интеллигенция и другие заинтересованные лица. Вряд ли Н. М. Черняковский, занимая важный пост в системе городского управления, мог остаться в стороне от участия в этом проекте. В этой связи вполне правдивым и логичным выглядит утверждение К. Голодникова о предложении Черняковского Штейнгелю оказать помощь в сборе фактического материала для написания исследования статистического характера. Не исключено, что инициатива могла исходить и от Штейнгеля, что однако не какой мере не умаляет заслуг обоих авторов. Работа по сбору статистического материала в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. велась по всей губернии, только результата, подобного результату творческого союза двух неординарных людей — Штейнгеля и Черняковского — не было.

В подтверждение данного предположения можно привести и факт, доказывающий, что Н. М. Черняковский и ранее неоднократно занимался сбором информации, так как являлся членом Географического общества. Так, например, он высказывал сведения, собранные им во время занятий торговой деятельностью. В одной из своих записок он излагает свои наблюдения, подтверждающие важность развития торговли с Китаем для Ишимского округа: «Привозимые теперь из Гульджи чаи, низки добротой, но, по уверению китайцев, они могут доставлять и высших сортов. Доставка их из внутреннего Китая, если несколько далее, нежели до Кяхты, зато гораздо удобнее, потому что путь лежит через хорошо населённые места».

В последние годы жизни Николая Максимовича Черняковского одолевала мечта построить храм. В начале 40-х гг. он был свидетелем завершения строительства Троицкой кладбищенской церкви на капитал В. Ф. Еманакова. Поэтому мысль о строительстве храма была вполне естественной для Черняковского. Но сделать этого он не успел. 19 марта 1847 г. в возрасте 57 лет Н. М. Черняковский умирает от «горячки» [10, л. 1].

18 июня 1856 г. в г. Тобольске скончалась статская советница Ульяния Андреевна Амвросова (вдова Н. М. Черняковского — по второму мужу Амвросова). В своем духовном завещании она распорядилась на капитал своего бывшего мужа Н. М. Черняковского построить в г. Ишиме церковь во имя святого Николая Чудотворца. На строительство храма ею было завещано 50 тыс. рублей, а на содержание церковного причта — 15 тыс. рублей [11, л. 8].

История со строительством Никольской церкви растянулась на три десятилетия и стала свидетельством того, насколько преданы оказались жители Ишима памяти умершего купца. Реализация мечты Н. М. Черняковского столкнулась с множеством препятствий, которые могли извратить первоначально заложенный смысл самой идеи пожертвования. К чести тогдашнего местного общества следует сказать, что, несмотря ни на что, строительство храма было осуществлено в соответствии с заветом Черняковского и волей завещательницы.

Библиографический список

1. Главное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО «ГА в г. Тобольске»). Ф. 154. Оп. 8. Д. 290. Л. 733, 759.
2. Государственное учреждение «Исторический архив Омской области» (ГУ ИСА). Ф. 16. Оп. 2. Д. 2023. Л. 5.
3. Меньщиков, В. Н. Черняковский Николай Максимович / В. Н. Меньщиков // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. В 4 т. Т. 4. (С–Я). Кн. 2. — Новосибирск, 1998. — С. 114.
4. Государственный архив Российской Федерации. (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 80. Д. 88. Ч. 59. Л. 38–39.
5. Российский государственный исторический архив. (РГИА). Ф. 91. Оп. 3. Д. 936. Л. 48.
6. РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 172. Л. 1–12.
7. ГУ ИСА. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2237. Л. 20.
8. ГУ ИСА. Оп. 13. Д. 1804. Л. 8–9, 13.
9. Журнал Министерства внутренних дел. — 1843. — Т. 2. — С. 3–48, 200–255.
10. ГУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 154. Оп. 8. Д. 688. Л. 1.
11. ГУ ИСА. Ф. 3. Оп. 6. Д. 9132. Л. 8.

МЕНЬЩИКОВ Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-педагогических дисциплин.

Адрес для переписки: menschickov.vladimir2012@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 18.04.2013 г.

© В. Н. Меньщиков

Книжная полка

Козлов, В. П. Историк в России. Между прошлым и будущим / В. П. Козлов. — М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2012. — 754 с. — ISBN 978-5-7281-1303-4.

Представлены материалы Пярых Зиминских чтений, посвященных 90-летию со дня рождения выдающегося советского и российского историка А. А. Зимина. В статьях затрагиваются проблемы отечественной истории, находившиеся в сфере внимания ученого. Приводятся воспоминания о нем коллег, друзей, учеников. Для специалистов гуманитарного профиля, студентов вузов и всех интересующихся историей России.

ОСВОЕНИЕ ЦЕЛИНЫ И ПОИСК НОВЫХ ВНЕДРЕНЧЕСКИХ ФОРМ

Статья посвящена рассмотрению проблем внедрения достижений науки в аграрное производство в период массового освоения целинных и залежных земель. В статье подчеркивается ограниченный характер организационных подходов к проблемам внедрения.

Ключевые слова: аграрная наука, сельское хозяйство, внедрение, СССР.

Наша страна вступила в ВТО. Российское общество в оценке последствий этого шага разделилось на оптимистов и скептиков. И те и другие в отстаивании собственной позиции прибегают к соответствующей аргументации. При этом участники спора сходятся в том, что в наиболее сложной ситуации в связи с членством в ВТО оказалась аграрная отрасль. Если даже не принимать во внимание разрушительных последствий «реформирования» села в последние десятилетия, то и в этом случае природно-климатические ограничения, выражаясь словами поэта, «милого севера» оставляют нам мало шансов выстоять в борьбе с конкурентами, ведущими сельское хозяйство в лучших условиях. Бесспорно, что в подобной обстановке многократно возрастает роль сельскохозяйственной науки. И поэтому особую актуальность приобретает изучение исторического опыта научного обеспечения решения крупных научно-хозяйственных проблем в аграрной сфере в предельно сжатые сроки. Именно такой проблемой является массовое освоение целинных и залежных земель в СССР в 1950-е годы, когда в сельскохозяйственный оборот было введено 40 млн гектаров. Однако актуальность заявленной темы определяется еще следующим обстоятельством: в научной литературе указывается на негативные экологические последствия массового подъема целины, поскольку «в ходе массового освоения и последующего использования целинных и залежных земель в целом ряде районов, к сожалению, не удалось избежать ошибок организационно-технического плана как при выборе массивов для распахки, так и в агротехнике, в структуре и организации производства и решении ряда других вопросов» [1, с. 65]. Однако причины допущенных просчетов требуют серьезного изучения. Представленный материал позволит углубить понимание проблемы, рассмотрев ее через призму организации научно-внедренческой деятельности.

Бесспорно, при массовом освоении целинных и залежных земель в 1950-е гг. можно было избежать многих ошибок. Идеи массового освоения целинных земель на востоке страны высказывались значительно ранее. Такие выдающиеся отечественные ученые, организаторы и творцы сельскохозяйственной науки, как академики Н. И. Вавилов и Н. М. Тулайков выступали активными сторонниками скорейшего освоения новых территорий еще задолго до 1950-х годов. В июне 1929 г. в нашей стране создается Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук

им. В. И. Ленина, организатором и первым президентом которой стал академик Н. И. Вавилов. Несколько месяцев ранее, в апреле, выступая на XVI конференции ВКП(б), Николай Иванович говорил, что в СССР имелась своя огромная проблема, связанная с неиспользованием огромных земельных массивов, и он обратил внимание партийной конференции на задачу освоения новых земель, распахки новых пространств [2, с. 227 – 228]. После организации ВАСХНИЛ Н. И. Вавилов погружается в разработку конкретных планов исследовательской деятельности академии. В повестку дня ставятся многочисленные проблемы развития растениеводства и животноводства, использования удобрений, осеверения земледелия, проведения оросительных работ, механизации сельского хозяйства и т.д., но основной задачей он считает задачу «овладения пространством». «Огромные просторы Сибири, Казахстана и Дальнего Востока должны быть введены в культуру в кратчайшее время», — пишет Н. И. Вавилов в январе 1930 г. [3, с. 12]. Именно на указанные территории, «по линии наименьшего сопротивления», считал Николай Иванович, должно быть направлено внимание, потому что «легче всего освоить земельные пространства именно на востоке, где одно появление трактора, комбайна в значительной мере решает вопрос овладения новым пространством» [4, с. 338].

Важно подчеркнуть, что академик Н. И. Вавилов не противопоставлял освоение новых территорий другим направлениям развития сельского хозяйства, считал важным и необходимым охватывать различные стороны повышения эффективности аграрной отрасли. Однако настаивал на быстром «наступлении» на новые территории, поскольку считал, что наряду с малой культурностью существует такой серьезный ограничитель роста сельскохозяйственного производства в нашей стране, как суровые природные условия [4, с. 345].

Во второй половине 1930-х годов советское руководство ставит в повестку дня проблему значительного — на треть — увеличения производства зерновых культур. Для определения основных направлений достижения поставленной цели 26 – 30 июля 1936 году в Омске состоялась выездная сессия зерновой секции ВАСХНИЛ [5]. Основной доклад «О расширении посевных площадей восточных районов СССР» был сделан академиком Н. М. Тулайковым. В нем перед учеными была поставлена задача увеличения производства зерна в стране на 35 %. Было

выделено два пути решения задачи: повышение урожайности зерновых культур и расширение посевных площадей. Отметив, что «первый путь — путь повышения урожайности с уже обрабатываемых полей, путь, имеющий огромное значение» и деятельность ученых в данном направлении является «законом», Н. М. Тулайков приоритет отдает второму пути [5, 27 июля]. В качестве примеров, показывающих возможность сравнительно быстрого освоения новых территорий в регионах, близких по природным условиям, ученый рассматривал расширение посевных площадей в Канаде и США. Очень важны выводы выдающегося ученого о масштабах предстоящего подъема целинных земель. Оценивая неосвоенные земельные ресурсы восточных территорий в 55 млн га, он выступает с очень приблизительными наметками «отнюдь не максимального порядка», рекомендуя расширить посевные площади на 11 млн га [5, 27 июля]. Наиболее простым и доступным, не представляющим никаких трудностей, требующим лишь наличия «рабочей силы, тракторов и прицепного инвентаря», по мнению ученого, является освоение степных районов востока страны, особенно в Казахстане. Однако, являясь знатоком засушливого земледелия, очевидно, опасаясь последующих рисков, Николай Максимович рекомендует в первую очередь «осваивать земли, обещающие дать более высокий постоянный урожай, возможно, и более трудно осваиваемые по сравнению со степными участками засушливых районов» [5, 27 июля]. Основными районами освоения целинных земель должны были стать, по мнению Тулайкова, районы Западной и Восточной Сибири, Казахстана и Южного Урала.

Важно подчеркнуть, что академик Н. М. Тулайков рассматривал освоение новых земель не как «чисто технический» вопрос, а призывал агрономический персонал «не только расценить все эти земли и порядок их использования, но и создать весь арсенал средств, при помощи которых эти земли могут быть наиболее рационально использованы» [5, 27 июля]. В целях лучшего научного обеспечения восточных районов страны им ставился вопрос о расширении сети аграрных научных учреждений [5, 27 июля].

К. П. Горшенин, известный исследователь сибирских почв, выступил с содокладом «Почвы Сибири и их пригодность для расширения посевов», где он отметил, что в Сибири уже в те годы не было неосвоенных плодородных почв, а все вновь осваиваемые земли имели серьезные недостатки: в степной зоне — засушливость и возможность образования очагов пыльных бурь; в лесостепи — широкое распространение солонцовых почв, а в лесной зоне — кислых почв. Он предостерег от шаблонных подходов при освоении новых земель и призвал «во всю ширь ставить вопросы дифференцированной агротехники» [5, 28 июля]. Отметив, что южные степные почвы чрезвычайно плохо структурированы, легко распыляются и служат очагом «пылевых бурь», в качестве средства их предотвращения ученый рекомендовал травосеяние, лесонасаждение и организацию лесозащитных полос [5, 28 июля].

На заключительном заседании выездная сессия зерновой секции ВАСХНИЛ призвала работников сельскохозяйственной науки активно включиться в работу по созданию новой зерновой базы, «второй Украины» на востоке Союза ССР за счет освоения 11700 тыс. гектаров в годы третьей пятилетки [5, 1 августа].

XVIII съезд ВКП(б), очевидно, опираясь на разработанные учеными в Омске рекомендации, поставил

задачу на третью пятилетку освоить до 10 миллионов гектаров новых земель, обратив при этом внимание прежде всего на районы Сибири, Дальнего Востока, Казахстана, так как здесь имелись «значительные резервы, которые надо привести в действие» [6, с. 65—66]. Однако вставшие в предвоенные годы перед страной задачи укрепления обороноспособности страны, а затем военное лихолетье отодвинули решение проблемы массового освоения целины на более поздние сроки.

То есть переход к политике массового освоения целинных и залежных земель не являлся неожиданным и спонтанным. Более того, у ученых было достаточно времени для того, чтобы многие серьезные и принципиальные вопросы целинного освоения получили научное обоснование. Однако процессы, набиравшие силу в сельскохозяйственной науке со второй половины 1930-х гг., сделали это обоснование практически невозможным. Т. Д. Лысенко и его группа связывали развитие сельского хозяйства в СССР прежде всего с развитием селекционных исследований и внедрением в производство новых сортов сельскохозяйственных растений и пород животных. В результате исследования в других областях сельскохозяйственной науки были либо значительно ограничены, либо совершенно свернуты. В рамках данной статьи не будем говорить о «методах» селекционной деятельности группы Лысенко и ее результатах. Все это общеизвестно. Для нас важным является то, что ориентация развития сельского хозяйства посредством внедрения только новых сортов и пород не требовала формирования универсальной внедренческой системы, а для целей насыщения отрасли новыми сортами и породами во второй половине 1930-х гг. была создана сеть семеноводческих и племенных хозяйств. В 1950 г. предпринимается попытка создания «многоотраслевой» системы внедрения. Однако эта система ограничивалась чисто «пропагандистскими» методами. Созданные для управления процессами внедрения в сельскохозяйственных органах внедренческие подразделения получили аналогичное наименование — управления и отделы сельскохозяйственной пропаганды. Следует принять во внимание и то, что внедренческие «инициативы» этого времени были вызваны не столько искренним желанием улучшения ситуации в сельском хозяйстве страны, сколько обстановкой острого противоборства как в самой аграрной науке (Лысенковцев против своих оппонентов), так и в высших эшелонах власти за сталинское «наследство».

Прекращение в 1953 г. дискриминационной политики в области сельского хозяйства создало материальные условия для освоения в производстве научных достижений. В то же время не произошли какие-либо серьезные позитивные перемены в области организации внедренческой деятельности. Возникшие новые организационные формы носили скорее символический характер, выступали свидетельством «укрепления связи науки с сельскохозяйственным производством». Характерной формой организации внедренческой работы после сентябрьского пленума ЦК КПСС 1953 г. явилось шефское движение институтов, опытных станций над отдельными хозяйствами, МТС, районами. В шефское движение были вовлечены сельскохозяйственные учебные и исследовательские институты, научные учреждения АН СССР, опытные станции. Естественно, что шефское движение позитивно влияло на производственные показатели подшефных хозяйств, однако следует принимать во внимание следующее.

Прежде всего, научные учреждения располагались неравномерно по территории страны и регионов. Но и там, где шефское движение было более распространено, в качестве подшефных выбирались близлежащие районы и хозяйства. Поэтому значительные территории были не затронуты этой формой внедрения. Кроме того, как показал исторический опыт, эта форма, как правило, оказывалась «дежурным» ответом на те или иные инициативы власти.

Начавшаяся в середине 1950-х гг. «целинная эпопея», по образному выражению современника, «прорвалась в виде девятого вала» [7, с. 437]. Освоение целинных и залежных земель вызвало к жизни особые, специфические формы взаимосвязи науки и производства, обусловленные особенностями сложившейся обстановки. Многочисленность проблематики, требующей неотложного исследования, крайне сжатые сроки в сочетании с необходимостью оказания помощи целинным хозяйствам в отборе новых пригодных под распашку земель, разработке агротехнических и организационных мероприятий на вновь освоенных землях обусловили возникновение таких форм научно-производственных контактов, в которых временные рамки между проведенным исследованием и внедрением рекомендаций науки в производство сокращались до минимума. Именно в этот период — 1954 год — было положено начало созданию комплексных бригад ученых. Только Алтайский научно-исследовательский институт сельского хозяйства создал пять таких бригад, сформированных из агрономов, зоотехников, механизаторов и специалистов других отраслей сельскохозяйственной науки, закрепленных за отдельными сельскохозяйственными зонами края и направленными в колхозы и совхозы для оказания непосредственной научной помощи [8]. В 1956 г. 18 комплексных бригад ученых посланы Алтайским сельскохозяйственным институтом в районы края [9]. Наряду с комплексными бригадами ученых, организованными непосредственно в районах освоения целины, в Западную Сибирь была направлена Особая комплексная экспедиция по землям нового сельскохозяйственного освоения АН СССР. Профессор В. Д. Кисляков, руководитель экспедиции, подчеркивал, что «правильное освоение новых земель возможно только при активной, целеустремленной творческой работе ученых, представителей естественно-исторических, биологических и экономических дисциплин в тесном сотрудничестве с передовиками-новаторами колхозов, МТС и совхозов» [10, с. 5]. Объединение в единый коллектив специалистов различных профилей обеспечило комплексную проработку вопросов. Конкретные рекомендации целинным хозяйствам, представленные этими бригадами, предусматривали порядок дальнейшего использования целинных и залежных земель, примерные схемы севооборотов, агротехнические мероприятия по повышению урожайности, способы регулирования влажности почвы в системе агротехнических мероприятий по подбору и агротехнике зерновых, технических и кормовых культур, развитию животноводства и кормовой базы в колхозах края и структуру посевных площадей на перспективу.

Между тем научные исследования по отведению новых земель не предшествовали принятым высшим руководством решениям, а явились следствием этих решений. Не говоря уже о том, что начало освоения целинных земель не сопровождалось организацией масштабных научных мероприятий такого ранга, как это было сделано в 1936 г. В результате почвенные

обследования обширных территорий проводились в предельно сжатые сроки различными организациями и по различной методике, при наличии ряда нерешенных важнейших вопросов агропочвоведения, в частности не было единого мнения среди научных работников в отношении классификации почв по степени эродированности. Аналогичная ситуация сложилась и в других отраслях науки.

Освоение целинных и залежных земель сопровождалось активной пропагандой сельскохозяйственных научных знаний. Расширяется лекционная пропаганда достижений сельскохозяйственной науки, что прежде всего было связано с развитием деятельности Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. В 1956 г. начался выпуск журнала «Вестник сельскохозяйственной науки», в задачу которого входило наряду с постановкой и обсуждением актуальных теоретических проблем сельскохозяйственной науки рассмотрение важнейших вопросов «широкого научного обобщения и внедрения новых прогрессивных приемов работы в практику колхозов, МТС и совхозов» [11]. Активную роль в пропаганде достижений науки стал играть журнал «Сельское хозяйство Сибири», первый номер которого увидел свет в том же году. Научные учреждения районов освоения целинных земель приступили к изданию капитальных справочных пособий, например, в 1957 г. вышла двухтомная «Справочная книга агронома Сибири».

Однако эффект от чисто пропагандистских внедренческих подходов был весьма ограниченным. Высшее руководство страны все более и более увеличивало планы подъема целинных земель. На февральско-мартовском 1954 г. пленуме ЦК КПСС была определена начальная цифра в 13 миллионов гектаров. В июне того же года, на следующем пленуме ЦК, была выдвинута задача освоить еще 15 миллионов гектаров, чтобы в 1956 г. иметь в общей сложности 30 миллионов гектаров зерновых. Учитывая вместе с тем, что через несколько лет предстояло введение на освоенных землях правильных севооборотов с чистыми парами, следовало освоить еще около 10 миллионов гектаров (сверх 30 миллионов), чтобы не уменьшать общую площадь посевов [6, с. 84–6].

На местах рекомендации ученых повсеместно нарушались. В Казахстане, например, в 1954 г. вместо запланированных 6,3 млн га было распахано более 8,5 млн га [10, с. 33]. В целом в Казахстане 16 % вновь освоенных земель находилось в зоне полупустынь и пустынь [12]. В Алтайском крае подъем целины и залежей уже в 1954 г. во многих районах превысил 100 % по отношению к общей площади пахотно-пригодных земель. Это превышение, достигающее 15–30 %, свидетельствовало о том, что подъем целинных и залежных земель осуществлен за счет распашки земель, считавшихся непахотнопригодными. По данным ученых Совета по изучению производительных сил АН СССР, резерв пахотнопригодных земель Алтайского края был почти полностью исчерпан уже в первый год целинного освоения [10, с. 84]. Однако алтайская «целинная эпопея» продолжалась и в последующие годы.

Не менее остро стояла проблема разработки и внедрения в производство агротехнических проблем целинного освоения. Основными регионами массового освоения новых обширных пространств стали степные районы Казахстана и юга Западной Сибири. Очевидно, это было вызвано относительной легкостью, быстротой и дешевизной введения в сельскохозяйственный оборот этих земель. Вспомним,

что именно эти районы имели в виду Н. И. Вавилов и К. П. Горшенин, а Н. М. Тулайков, имея несколько иную позицию, считал освоение целины в степных районах наиболее легким и доступным делом. Однако территории, находящиеся по преимуществу в степной засушливой зоне и имеющие почвы легкого механического состава, были подвержены ветровой эрозии, на что указывал К. П. Горшенин еще в 1936 г. Уже в первые годы освоения земель увеличились масштабы ветровой эрозии, в 1956 г. в Кулундинских степях Алтайского края от нее пострадало более 10 тыс. га посевов [13]. Необходимо было в кратчайшие сроки разработать и внедрить на огромных пространствах новую, почвозащитную систему земледелия.

Проявившиеся недостатки в области освоения целинных и залежных земель были обусловлены как недостаточной разработкой ряда научных проблем, так и слабой эффективностью использования пропагандистских внедренческих подходов. Как писал активный участник «целинной эпопеи» на Алтае ученый-почвовед Н. В. Орловский, «одной словесной пропагандой делу получения высокого урожая не поможешь, здесь нужны иные, более серьезные подходы» [7, с. 428]. Тем более, когда требовались быстрые и нестандартные научные решения, в кратчайшие сроки освоение производством.

Выход из сложившейся ситуации предполагался за счет сочетания традиционных просветительских, пропагандистских подходов к внедрению с «демонстрационными» подходами. В 1961 г. в СССР создается сеть ОПХ (опытно-показательных хозяйств), которые рассматриваются как основные внедренческие центры на селе. Это был некий советский аналог «демонстрационных ферм», широко известных в развитых странах. Предполагается, что ОПХ, при известных условиях, могли сыграть значительную роль в «онаучивании» сельскохозяйственного производства. Однако этого не произошло, более того, сама идея ОПХ была дискредитирована в процессе реализации, в результате через несколько лет опытно-показательные хозяйства были ликвидированы.

Следовательно, в условиях массового освоения целинных и залежных земель, когда в предельно сжатые сроки необходимо было провести масштабные работы по отводу и введению в хозяйственный оборот огромных территорий, использование преимущественно «пропагандистских» внедренческих форм, в сочетании с экстренными научно-внедренческими мероприятиями, не принесло должного

результата, что обусловило смещение акцентов в области внедренческой деятельности в сторону «демонстрационных» подходов.

Библиографический список

1. Освоение адаптивно-ландшафтных систем и агротехнологий на целинных землях : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию освоения целинных и залежных земель и 55-летию ГНУ «Челябинский НИИСХ». Россельхоз-академия, 6–9 июля 2009 г. — Куртамыш : Челябинский НИИСХ, 2009. — 405 с.
2. Есаков, В. Д. Советская наука в годы первой пятилетки: Основные направления государственного руководства наукой / В. Д. Есаков. — М. : Наука, 1971. — 271 с.
3. Вавилов, Н. И. Организация сельскохозяйственной науки в СССР: Избранные статьи и выступления / Н. И. Вавилов. — М. : Агропромиздат, 1987. — 384 с.
4. Вавилов, Н. И. «Жизнь коротка, надо спешить»: Публицистика классиков отечественной науки / Н. И. Вавилов. — М. : Советская Россия, 1990. — 345 с.
5. Омская правда. — 1936. — 27 июля — 1 августа.
6. Куликов, В. И. Исторический опыт освоения новых земель / В. И. Куликов. — М. : Мысль, 1978. — 253 с.
7. Орловский, Н. В. Страницы истории аграрной науки XX века (воспоминания ученого) / Н. В. Орловский. — Новосибирск : РАСХН, Сиб. отд., 1999. — 440 с.
8. Государственный архив Алтайского края. Ф. 569. Оп. 6. Д. 1964. Л. 493.
9. Российский государственный архив экономики. Ф. 7486. Оп. 17. Д. 2315. Л. 11.
10. Освоение целинных и залежных земель в 1954 г. : материалы совещания при Академии наук СССР по итогам и перспективам науч.-исслед. работ в области освоения целинных и залежных земель. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. — 386 с.
11. Вестник сельскохозяйственной науки. — 1956. — № 1. — С. 3.
12. Вестник Московского университета: География, серия 5. — 2004. — № 3. — С. 50.
13. Сельская жизнь. — 1960. — 31 авг.

РЫЧКОВ Александр Васильевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: koi-omgtu@bk

Статья поступила в редакцию 26.03.2013 г.

© А. В. Рычков

Книжная полка

Щагин, Э. М. Становление советской политической системы: 1917–1941 годы / Э. М. Щагин. — М. : Прометей, 2011. — 196 с. — ISBN 978-5-4263-0039-2.

Пособие «Становление советской политической системы: 1917–1941 годы» посвящено одному из самых сложных и драматичных этапов отечественной истории. В нём раскрываются основные механизмы развития советской политической системы с момента её возникновения до начала Великой Отечественной войны. Особое внимание авторы пособия уделяют неоднозначным, дискуссионным вопросам развития нашей страны в 1917–1941 гг. В частности, большое внимание уделено кризисам, которые переживал советский режим на этапе своего становления, политической борьбе внутри правящей партии. Не обойдены вниманием и такие, почти не попадающие в учебные пособия вопросы, как существовавшие альтернативы советской государственности в условиях Гражданской войны. Не обойдены вниманием и такие острые, волнующие общество проблемы, как общественное развитие в период форсированной индустриализации и насильственной коллективизации. Пособие предназначено для бакалавров, обучающихся по специальности 030600.62 «История».

ТОРГОВЛЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ПИТАНИЕ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1954—1985 гг. КАК ФАКТОР АЛКОГОЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается влияние торговли и общественного питания в Омской области на уровень употребления спиртных напитков посредством анализа динамики нарушений правил их продажи. Выделены несколько этапов, на каждом из которых преобладали те или иные виды нарушений.

Ключевые слова: торговля, общественное питание, Омская область.

Злоупотребление алкогольными напитками рассматривается с различных сторон. Его в том или ином виде изучают социологи и биологи, экономисты и психологи, юристы, исследователи государственного управления и т.д. Были сформированы подходы по основной причине этого явления:

- психологический
- культурологический
- социально-экономический
- биологические теории.

Каждый из них в той или иной мере отражает проблему. Но, кроме причин алкоголизации, важны и её условия, прежде всего доступность спиртосодержащей продукции. На протяжении периода 1950-х — 1980-х гг. она ограничивалась нормативно-правовыми актами. Один из основных источников для изучения реального положения дел — периодическая печать, которая позволяет узнать, как менялся вклад торговли и общественного питания в злоупотребление спиртным. Отдельные виды нарушений чётко распределяются по годам первых сообщений о них. Анализ этой последовательности также позволяет оценить глубинные сдвиги. Но нужно учитывать специфику периодики. Во-первых, в силу известных политических установок, негативные факты рассматривались изолированно и бессистемно. Более того, считалось, что они в относительно скором времени исчезнут без следа. Во-вторых, при освещении конкретных случаев в прессе преувеличение и иногда даже определённое раздувание типично. Что касается выбора хронологических рамок исследования, нужно иметь в виду два принципиальных момента:

- нижняя граница (1954 г.) является не только началом нового исторического этапа, но и с этого момента объём ежегодных публикаций, относящихся к раскрываемой теме, начинает расти;
- верхняя граница (март 1985 г.) определена началом следующего принципиально важного исторического периода вообще и применительно к проблеме алкоголизации в частности.

Запреты и ограничения на деле соблюдаются не всегда, в том числе в торговле и общественном питании. Вопреки широко распространённому мнению, жёсткость наказания вовсе не искореняет саму возможность нарушений. Однажды в периодической

печати появилась статья о том, что в ветеринарном институте г. Омска буфет работает вяло и активизируется, лишь когда завозят пиво. А возникла такая ситуация... в 1954 г.! В ларьке рядом с центральным общежитием основные продовольственные товары продавались реже, чем пиво. Партийная организация института считала, что это и есть нормальный порядок вещей. Мало того, из-за продажи пива в столовой 22 ноября была сорвана лекция о вреде алкоголя [1, с. 3]. В середине 1950-х гг. были и другие случаи, когда торговля алкогольными напитками осуществлялась, по существу, без ограничений. Во всех подобных ситуациях это становилось возможным благодаря позиции различных руководителей. В Чернолучье, в селе Красноярка, в 10 метрах от двух детских летних лагерей сельпо летом 1955 г. открыло павильон спиртного и пива. Твёрдо отстаивали его сохранение председатели сельпо и райисполкома [2, с. 3]. Вместе с тем надо подчеркнуть, что в это время распространённость таких негативных явлений была низка, по крайней мере, в периодической печати освещался максимум один инцидент ежегодно. То есть можно, хотя и с осторожностью, утверждать, что во второй половине 1950-х гг. негативное влияние торговли и общественного питания на уровень алкоголизации было достаточно мало и в большинстве случаев оно было вызвано действиями отдельных местных администраторов. Однако обращает на себя внимание и серьёзность негативных проявлений в связи с нарушениями. Так, на выпускном вечере СибАДИ 1956 г. банкет перерос в массовую пьяную драку с ножевыми ранениями [3, с. 3]. Также ещё не все руководители понимали необходимость контроля за трезвостью водителей автотранспорта, даже пассажирского. Это было широко известно. Вот цитата из опубликованных в 1957 г. «Правил пользования Омским автовокзалом»: «7. Но прежде всего на остановке попытайтесь воздействовать на шофёра в том смысле, чтобы он во время обеда не подходил к буфету. Если вам это удастся, можете быть вполне спокойны, что машина не перевернётся» [4, с. 3]. Однако здесь вполне может оказаться обыкновенная репортёрская гиперболы, а на деле могло быть не совсем так. В том же году зафиксирован случай пьянства продавца на ра-

бочем месте [5, с. 3]. 1958–1959 гг. характеризуются, прежде всего, более частым упоминанием случаев неограниченной продажи спиртного, иногда уже систематической (в чайной села Саргатка [6, с. 3], в Любинском районном ДК [7, с. 3]). Плохой пример давало управление торговли. Принимая новосибирцев, оно использовало ресторан, выставило 68 бутылок спиртных напитков, и потратило 16000 бюджетных рублей [8, с. 3].

Размеры нарушения правил торговли спиртными напитками стали расти в первой половине 1960-х гг. К примеру, в 1963 г. впервые зафиксирована продажа водки со двора. Этому способствовало игнорирование нарушений МВД и торговым начальством. Также впервые отношение районных властей к данной проблеме полностью определялось получением предусмотренных планом доходов [9, с. 3]. В 1964 г. наличие такой мотивации стали признавать у директоров организаций, и даже в части ресторанов [10, с. 3]. Впрочем, нельзя не сказать о том, что это могло быть вызвано стремлением хотя бы немного подтянуть общий объём товарооборота тех самых ресторанов (малый на фоне массовой торговли и общественного питания) за счёт усиленной продажи в них спиртного.

Во второй половине 1960-х гг. продажа алкоголя достигла нового уровня и появились новые формы. В 1965 г. части ресторанов управление торговли решило получать плановый объём выручки продаж спиртного через филиалы и киоски [11, с. 3]. Тогда же отмечалось, что в сельских магазинах Тарского района ограничения на продажу алкоголя в определённые часы не соблюдаются, что зависело от их директоров [12, с. 3]. В 14 из 16 магазинов Куйбышевского райпищеторга г. Омска правила торговли игнорировались, директор торгова стойко не реагировал на предупреждения [13, с. 3]. Под вывеской «Чайная» в Большереченском районе маскировалось винное кафе [14, с. 3]. Также стало известно о трёх случаях продажи спирта уже предельно нетрезвым в разных районах Омской области. То есть это уже не просто отдельные эпизоды. Кроме того, в одном из случаев была попытка оправдания «незнанием» запрета. Вскоре это оправдание начнёт использоваться массово [15, с. 4]. Новацией 1966 г. была неограниченная торговля спиртным на автовокзале из-за плана. Директор ресторана, которому подчинялся буфет, прямо сказал сотрудникам МВД, что его «не надо учить торговать», а надо исполнять свои обязанности. Вполне ясно, что именно в середине 1960-х гг. окрепла экономическая мотивация максимальной продажи спиртного. В дальнейшем эта тенденция только углублялась, хотя и на пике, в середине 1980-х гг., не достигла современного уровня [16, с. 3]. Для 1967 г. характерно слияние отдельных точек, нарушающих правила, в компактные группы. Например, магазин № 102 спиртное продавал во всё время работы, в некоторые месяцы продавалось более 400 ящиков, а рядом расположенная столовая № 61 превратилась в распивочную. Непрерывную продажу начали и в столовой № 11 [17, с. 2]. В 1968 г. новое веяние — магазин Любовского (так в тексте) хлебоприёмного пункта продавал спиртное, а колбасы, мясо, молоко и крупы упразднили вообще. Конечно, вряд ли это было типично. Вместе с тем с этого времени количество точек, торгующих алкоголем, стало превышать цифры статистики [18, с. 2]. Если до 1969 г. спиртовая ориентация продаж проявлялась в увеличении ассортимента, то теперь возник прецедент внеочередной

продажи из-за десятикратного превышения цены алкогольной продукции над минеральными водами. Причём это было не в одном магазине [19, с. 3]. А в 1970 г. появилось распитие непосредственно в торговых залах, при пассивной поддержке их работников (выставка стаканов и т.д.) [20, с. 3]. Следовательно, произошёл переход от простого наполнения ассортимента большим количеством спиртного к преимущественному курсу на его продажу. Разумеется, это произошло не сразу, не везде и не одновременно, но тенденция ясна.

В первой половине 1970-х гг. в печати отмечались в основном уже наблюдавшиеся ранее виды нарушений правил торговли, только возросла их частота [21, с. 3]. Новых проявлений повышенной заинтересованности торговцев в усиленной продаже алкогольных напитков было всего два. В 1971 г. один овощной магазин продавал вино куда регулярнее, чем овощи, другой продовольственный сверх графика до 23.00 продавал только алкоголь [22, с. 3]. Иными словами, возник прецедент переориентации продовольственных магазинов на спиртные напитки; именно в 1971 г. началась продажа алкоголя несовершеннолетним [23, с. 4]. Поэтому нет ничего удивительного в бурном росте продажи винно-водочных изделий в последующие годы.

Подведём промежуточные итоги. Вторая половина 1950-х гг. характеризовалась отдельными эксцессами в сфере продажи алкогольных напитков. В первой половине 1960-х гг. произошло просто учащение нарушений. Для второй половины 1960-х гг. характерно появление плановой мотивации нарушений (прежде вызывавшихся действиями отдельных работников). В первой половине 1970-х гг. количество отказов от соблюдения правил повышалось. По сравнению с современностью масштаб негативных проявлений был существенно ниже; но речь и не идёт о том, что они сразу оказали серьёзное влияние на алкоголизацию. Важно иное: как ни мал был этот фактор, он рос. Дальнейшее не было неизбежным, но истоки находятся именно в 1960-х — 1970-х гг. Решающим периодом в становлении алкогольного курса торговли и общественного питания были 1974 — 1985 гг., доведшие его до рекордных величин (хотя и малых на сегодняшний день).

Печатью в 1974 г. во многих заведениях общественного питания констатируется систематическое распитие спиртных напитков, игнорируемое сотрудниками и администрацией [24, с. 2]. В 1975 г. плановая мотивация продаж алкоголя усилилась. Если вначале просто всё больше его ставили на полки магазинов, а потом заменяли им другие товары, то теперь и этого было мало. Стали в хлебных магазинах давать вермут в нагрузку к основным товарам [25, с. 2]. Управление торговли г. Называевска в 1976 г. куда больше заботилось об ассортименте спиртного, чем иных товаров, допускалась торговля без разрешений и почти исчезли безалкогольные напитки [26, с. 3]. В самом Омске любители спирта прочно заняли пашлычные и пельменные, а в части заведений общественного питания торжества снабжались горячительными напитками безгранично. Более того, при сдаче новых микрорайонов среди всей инфраструктуры сначала вводили винные магазины. Следовательно, именно такие действия в 1976 г. стали характерны не только для торговли, но и для проектирования застройки [27, с. 2]. Появлявшиеся в области рестораны сразу стали собирать винолюбителей. Их сотрудники были искренне убеждены, что обслуживание клиентов должно продолжаться до предела [28, с. 2].

До 1977 г. магазины либо продавали спиртное безгранично, либо разрешали употреблять его в торговых залах. Магазин № 27 Горплодоовощторга обобщил эти две практики, и дополнительно убрал из ассортимента безалкогольные напитки [29, с. 3]. Налицо попытка сделать спиртное безальтернативным товаром.

В 1979 г. отмечалось, что работники Сибзавода уже несколько лет идут в рабочее время в магазины через открытые всё это время проходы в ограждении территории. То есть к концу 1970-х гг. не только продолжалось системное нарушение правил торговли, но и сформировался круг заинтересованных в нём потребителей [30, с. 3]. Определелись и места их притяжения — так, на омском ипподроме продавали спиртное неограниченно, а вытесняющих товаров (фрукты, мороженое, иные напитки) почти не было [31, с. 2]. Даже больше, чем ранее, подтвердился курс на усиленный сбыт алкогольных напитков и ярое неприятие его спада.

Ещё яснее, чем раньше, именно в 1980 г. проступила мотивированность нарушений правил продажи в получении выручки. Это выражалось в завышении цен во многих заведениях общественного питания [32, с. 4], ссылавшихся на план [33, с. 3]. После капремонта в 1981 г. на улице Магистральной открылась т.н. пельменная, ставшая алкопритоном [34, с. 4]. Всё это вызывалось не только приказами, но и выгодой исполнителей. Стоит также отметить, что большое количество нарушений правил продажи алкогольных напитков стало возможно потому, что реальных наказаний за них крайне мало [35, л. 42].

Официанты ресторана «Вечерний» в любое время продавали водку по 10 рублей за бутылку. Был зафиксирован случай, когда из ресторана «Железнодорожный» только на один поезд не менее 20 человек бежали со звоном бутылок [36, с. 3]. Администратор ресторана «Орбита» взъярился из-за малого заказа, то есть был заинтересован в сбыте [37, с. 3]. Продажа «разбитых в пути» напитков обогащала начальников цехов и других материально ответственных лиц, прикрываемых начальниками [38, с. 4], [39, с. 4]. Таким образом, в начале 1980-х гг. возник «серый» рынок спиртовой продукции. Зафиксирован случай продажи шампанского заведующим склада, поддержанный его начальниками [40, с. 3]. Спрос на спиртное стал устойчивым и самоподдерживающимся. Ограничения на уровне районов города и области вызвали рост «чёрного» и «серого» рынков [41, л. 3].

Столовая № 55 и закусочная от столовой № 77 игнорировали все правила [42, с. 3]. Тогда же констатировалось, что характер потребления нерационален, делался вывод о направлении общественного питания, в т.ч. ресторанов и буфетов Музыкального театра, на продажу алкоголя [43, с. 2]. Зафиксировали ряд продаж спиртного без проверки документов у покупателей [44, с. 3]. Прогулочный катер «Москва» стал речным баром [45, с. 3].

В 1983 г. дело продажи спиртных напитков достигло нового рубежа: в кафе между областными управлениями торговли и общественного питания отпускали пиво после закрытия [46, с. 3]. Следовательно, стремление обеспечить возможно больший доход уже не скрывалось ни исполнителями, ни начальниками. Среди новых тенденций отмечалось срастание официальной и нелегальной торговли, о чём свидетельствовали факты припрятывания вина и пива в магазине № 15 ОРСа судоремонтно-судостроительного завода [47, с. 3]. Завершилось окруже-

ние заводов виноторговлей (характерен пример Сибзавода). Предписания не действовали: торговые организации свои доходы защищали жёстко [48, с. 2]. Силовики не могли этому помешать, так как сами участвовали в доходах, либо продавцы являлись лишь конечными исполнителями. Наказание не убирало причину нарушения.

К весне 1984 г. точки продажи спиртного окружали многие санатории, работая непрерывно и давая более 50 % товарооборота Чернолуچья. Примечательно, что официальная продажа оказалась решающим фактором алкоголизации [49, с. 2]. Осенью 1984 г. около агрегатного завода открылся пивной бар, и в конце каждого месяца в близлежащие торговые точки завозили много винно-водочных изделий [50, л. 39].

Торговля и общественное питание всегда влияли на распространение злоупотребления спиртным, в том числе в 1950-х — 1980-х гг.; однако это влияние со временем менялось. Так, во второй половине 1950-х гг. все эксцессы были связаны с действиями отдельных сотрудников; в первой половине 1960-х гг. в них приняли участие начальники заведений, во второй половине 1960-х гг. — начальники управлений. В первой половине 1970-х гг. нарушения участились, а с 1975 до 1985 гг. расширяются их виды.

Библиографический список

1. Студенческая столовая или пивная? // Омская правда. — 1954. — 10 декабря. — № 292.
2. Это — не мелочь // Омская правда. — 1955. — 7 августа. — № 186.
3. Строго соблюдать общественный порядок — долг каждого гражданина // Омская правда. — 1956. — 24 июля. — № 124.
4. Советы автопассажиру // Омская правда. — 1957. — 26 мая. — № 122.
5. Пьяница за прилавком // Омская правда. — 1957. — 7 августа. — № 183.
6. Выше культуру в работе столовых // Омская правда. — 1958. — 10 июля. — № 160.
7. Любинская веранда и забытая молодёжь // Омская правда. — 1958. — 13 июля. — № 163.
8. Дорогие гости // Омская правда. — 1958. — 23 декабря. — № 299.
9. Магазин или распивочная // Омская правда. — 1963. — 23 августа. — № 199.
10. И оптом, и в розницу // Омская правда. — 1964. — 4 августа. — № 180.
11. Место отдыха или распивочная? // Омская правда. — 1965. — 4 июля. — № 156.
12. Зло искоренять сообща // Омская правда. — 1965. — 21 августа. — № 197.
13. Усилить борьбу с хулиганством // Омская правда. — 1966. — 26 апреля. — № 96.
14. Сорняки вырывать с корнем // Омская правда. — 1966. — 11 мая. — № 107.
15. У пьяного оказалось ружьё... // Омская правда. — 1966. — 14 июня. — № 136.
16. Приют собутыльников // Омская правда. — 1966. — 30 октября. — № 253.
17. Пьяница ищет приют // Омская правда. — 1967. — 31 января. — № 26.
18. А в Любовке по-прежнему не любо... // Омская правда. — 1969. — 30 января. — № 25.
19. Двое разгневанных мужчин // Омская правда. — 1969. — 17 июня. — № 138.
20. С бутылкой под полюю... // Омская правда. — 1970. — 16 января. — № 12.

21. «Валя, налей ещё стакан...» // Омская правда. — 1970. — 6 марта. — № 54.
22. Вольготны пьяницам в магазинах // Омская правда. — 1971. — 26 августа. — № 199.
23. Крепить общественный порядок // Омская правда. — 1971. — 11 ноября. — № 265.
24. Бутылка... из-под полы // Омская правда. — 1974. — № 64.
25. «Богатырь» в коротких штанишках // Омская правда. — 1975. — 21 августа. — № 195.
26. Не та оперативность // Омская правда. — 1976. — 7 февраля. — № 32.
27. Не словом единым // Омская правда. — 1976. — 13 мая. — № 113.
28. Вот такие пироги // Омская правда. — 1976. — 19 сентября. — № 222.
29. Покупатели в обиде // Омская правда. — 1977. — 24 августа. — № 197.
30. В спецовке за бутылкой // Омская правда. — 1979. — 4 сентября. — № 204.
31. Под звон бутылок // Вечерний Омск. — 1979. — 20 сентября. — № 219.
32. Под стук гранёных стаканов // Вечерний Омск. — 1980. — 4 февраля. — № 28.
33. Совесть... навынос // Вечерний Омск. — 1980. — 22 августа. — № 195.
34. В новом «клубе» // Омская правда. — 1981. — 31 октября. — № 251.
35. ГИАОО. Ф. 235. Оп. 2. Д. 4549.
36. Кому спокойно спится // Вечерний Омск. — 1981. — 31 марта. — № 76.
37. «Преступление» и наказание // Вечерний Омск. — 1981. — 22 мая. — № 118.
38. Действующие лица и исполнители // Вечерний Омск. — 1981. — 8 августа. — № 183.
39. Роковая специфика // Вечерний Омск. — 1981. — 24 октября. — № 246.
40. Брызги шампанского // Вечерний Омск. — 1981. — 24 ноября. — № 271.
41. ГИАОО. Ф. 235. Оп. 2. Д. 4552.
42. Стакан прохлады // Омская правда. — 1982. — 11 июля. — № 161.
43. И поправка на разумность... // Омская правда. — 1982. — 16 июля. — № 165.
44. Навынос и в розлив // Омская правда. — 1982. — 18 августа. — № 191.
45. Бар... на воде // Вечерний Омск. — 1982. — 15 июля. — № 164.
46. Обед для «неорганизованного» // Омская правда. — 1983. — 28 января. — № 23.
47. Вести с мест // Омская правда. — 1983. — 9 сентября. — № 209.
48. Бегут «гонцы» во все концы // Омская правда. — 1983. — 21 сентября. — № 219.
49. Здравницы в здравницах // Омская правда. — 1984. — 5 апреля. — № 79.
50. ГИАОО. Ф. 235. Оп. 2. Д. 4759.

ДОРОШЕНКО Андрей Витальевич, аспирант кафедры отечественной истории.
Адрес для переписки: 644050, г. Омск, пр. Мира, 11, кафедра отечественной истории.

Статья поступила в редакцию 22.03.2013 г.
© А. В. Дорошенко

УДК 379.8:070:378 (09)

Н. С. НАЙМУШИНА

Омский государственный
технический университет

ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МНОГОТИРАЖНЫХ ГАЗЕТ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТУРНО-МАССОВОЙ РАБОТЫ БИБЛИОТЕК ЗА 1985—1986 гг.)

В статье отражены вопросы культурно-массовой работы библиотек технических вузов, на основе изучения многотиражных газет Западно-Сибирского региона. Проведен историко-типологический анализ многотиражных газет «Политехник» (Омского политехнического института), «За кадры» (Томского политехнического университета), «Энергия» (Новосибирского электротехнического института). Указаны основные культурно-массовые мероприятия библиотек.

Ключевые слова: многотиражная газета, культурно-массовая работа, вуз, библиотека.

Одним из основных типов исторических источников является периодическая печать. Особенность периодики состоит в том, что она дает возможность извлекать разнообразную историческую информацию.

Источниковедческое изучение вузовской периодической печати, а именно многотиражных газет как исторического источника позволяет выявить их

характерные черты и особенности, которые необходимо учитывать при использовании в научных исследованиях, разработке средств и способов их научного изучения. В публикациях многотиражной печати вуза заложена информация о том, что происходило в реальной действительности и связано со студентами вуза, сотрудниками, подразделениями.

На протяжении многих лет вузовские многотиражные газеты пользовались большим интересом и до сегодняшнего дня остаются популярными у студентов и преподавателей.

Чем интересны газетные публикации при изучении культурно-массовой работы библиотеки? Прежде всего, статьи в многотиражных газетах существенно влияют на имидж библиотеки: они всегда находятся на виду, наиболее доступны, оперативны, просматриваются различными группами читателей. Поэтому для библиотек весьма полезно определить, какие темы отражаются в газетах, какое представление получает читатель о работе библиотеки.

При подготовке данного материала были проанализированы многотиражные газеты трёх технических вузов Западно-Сибирского региона (за 1985–1986 годы):

— газета «Политехник», издаваемая Омским политехническим институтом (ОмПИ, в настоящее время ФГБОУ ВПО «Омский государственный технический университет» — ОмГТУ);

— газета «За кадры», выходящая в Томском государственном политехническом университете (сейчас НИ ТПУ);

— газета «Энергия» Новосибирского электротехнического института (НЭТИ; в настоящее время ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет» — НГТУ).

В процессе исследования было проанализировано 113 статей, посвященных деятельности библиотеки и библиотечной профессии: «Политехник» — 39 статей, «За кадры» — 39 статей, «Энергия» — 35 статей.

Первый номер многотиражной газеты ОмПИ «Политехник» вышел 10 марта 1967 года. Газета является органом ученого совета вуза. В числе важнейших целей и задач газеты — необходимость информирования внутренней аудитории о жизни университета. В исследуемый период выходило по 36 номеров. Тираж «Политехника» — 1000 экз. Цена газеты составляла 2 коп. В составе редакции не было журналистов, материал писали сотрудники университета и студенты. Квантитативные характеристики газеты: листы формата А3. Объем газеты — четыре полосы.

Публикации в газете «Политехник», посвященные деятельности библиотеки, представлены небольшими информационными заметками о выставках, вечерах, презентациях книг и др. Материалы о библиотечных мероприятиях присутствовали практически в каждом выпуске газеты. Материалы размещались и вне определённых рубрик, и в конкретных рубриках, например, «Тебе, первокурсник!». Данная рубрика присутствовала в газете и в № 25, и в № 27 за 1985 год. Рубрики могли быть приурочены к определенным праздничным датам, например, «Знакомься, первокурсник!», данная рубрика присутствовала в газете в № 25 за 1986 год и была приурочена к Дню знаний.

Самые многочисленные публикации в 1985 году — о библиотечных выставках. Наиболее распространенные темы: «Летопись огненных лет» — выставка, посвященная 67-й годовщине Советской Армии и Военно-Морского флота (заметка подготовлена отделом художественной литературы библиотеки — ОХЛ); «Вечное эхо войны» (подготовлена справочно-библиографическим отделом — СБО); «Мир живет материнским сердцем», посвященная Международному женскому дню 8 Марта (ОХЛ); «Городам-героям посвящается», «28 марта — Международный день театра» (ОХЛ); «Героический подвиг народа бессмертен», посвященная 40-летию в Великой

Отечественной войне (отдел читальных залов — ч/з); «В мире сокровищ» — выставка, посвященная Международному дню музеев (ОХЛ); «Современный руководитель» (отдел научной литературы — ОНЛ). В выпусках за 1986 год было всего две заметки о выставках в библиотеке: «Всё для дипломника» (№ 9), посвященная литературе в помощь дипломному проектированию, подготовленная читальным залом, и «Приглашает книжная выставка» (№ 33) — о выставке под названием «Нас выбирало время» (ОХЛ). Можно отметить, что выставки были посвящены не только знаменательным событиям в жизни страны, но и различным праздникам, а также проблемам общения людей, психологического климата в трудовом коллективе. Наибольшее число информации о выставках публиковал отдел художественной литературы.

В газете присутствовала информация о новой литературе, поступившей в библиотеку. Например, в «Политехнике» № 19 за 1985 г. под заголовком «Библиотека рекомендует» и в № 3 за 1986 г. под заголовком «Обзор новых книг» были размещены библиографические обзоры новинок, поступивших в библиотеку. Также в № 3 за 1986 год в статье «Внимание! Новый стандарт» была размещена информация о новом ГОСТе по библиографическому описанию документов, приведены примеры правильного описания изданий.

В рубрике «Тебе, первокурсник» была размещена статья «Справочно-поисковый аппарат библиотеки», написанная библиографом Л. Курочкиной и посвященная каталогам и картотекам библиотеки. В заметке рассказывалось о том, как справочно-поисковый аппарат может помочь читателям быстро получить полную информацию о фонде по интересующей их теме [1]. В статье «Знакомьтесь: библиотека» сотрудники библиотеки рассказывали о библиотеке в целом, численности фонда, об отделах, о том, как получить читательский билет.

В № 25 от 3 сентября 1986 года в рубрике «Знакомься, первокурсник» размещена статья зав. библиотекой О. Андрюшиной «Твоя библиотека»: «Сотрудники отдела художественной литературы приглашают всех первокурсников принять участие в ...конкурсе на лучшую читающую группу.... В отделе идейно-воспитательной работы создана лаборатория культуры студенческого труда — это цикл лекций, бесед, тестов по научной организации труда студентов.... Посещая библиотеку, обратите внимание на книжные выставки...» [2].

В 1986 г. в № 17 в рубрике «Лаборатория культуры студенческого труда» была размещена статья с полезными советами для студентов о правилах подготовки рефератов, курсовых и дипломных работ и ссылками на книги по теме, которые есть в библиотеке. «Не беритесь за работу, пока в голове окончательно не сложилась модель готовой работы... Во время самой работы не стоит есть и пить...» [3].

Практически в каждом выпуске газеты за 1985 и 1986 годы давалась информация о конкурсе на лучшую читающую группу, об игре «Что? Где? Когда?», которые проводили работники библиотеки.

В газете размещалась информация о профессиональных мероприятиях, проводимых для коллектива библиотеки. Например, заметка «Собрались библиотекари» в № 32 за 1985 г.: «Вчера в нашем институте начала занятия школа передового опыта работников библиотек вузов города. ОмПИ выбран не случайно, его библиотека считается лучшей,

а коллектив неоднократно выходил победителем в социалистическом соревновании» [4].

Следует отметить такую группу публикаций, как интервью с библиотекарями. Чаще всего данный материал появлялся в связи с проведением какого-либо семинара, конференции или юбилея библиотеки. В «Политехнике» за 1985 год встречается две публикации. Первая из них называлась «Библиотекарь» (№ 31). В ней студент ОмПИ задавал вопросы о прошлом и будущем библиотеки заведующей ОНЛ Н. И. Бережной: «Видите ли Вы разницу между студентами, которые учились несколько лет назад, и теми, кто учится сейчас?... Какой бы Вы хотели видеть библиотеку в будущем?» [5]. В рубрике «Из блокнота репортера» в № 34 размещено интервью журналиста газеты «Политехник» с заведующей библиотекой О. И. Андриюшиной — «Делятся опытом библиотекари». Здесь рассказывалось о работе школы передового библиотекаря, в которой участвовали сотрудники 11 библиотек Омска.

Материал в «Политехнике», связанный с работой библиотеки, готовили как сотрудники библиотеки, так и журналисты газеты.

Газета «Энергия» — старейшее печатное издание НЭТИ-НГТУ, издается с 1963 года. Квантитативные характеристики газеты за исследуемый период: листы формата А3, объем газеты — четыре полосы. В 1985 году был издан 31 номер, в 1986 году — 30 номеров. Тираж «Энергии» — 1000 экз. Цена газеты составляла 2 коп.

Большинство материалов газеты «Энергия», касающихся библиотеки, посвящены новинкам литературы. Библиотекарями, гл. библиографами размещались библиографические обзоры под заголовком «Новинки» или «Новые книги», а также «Советуем прочитать». В обзорах отражалась литература по энергетике, обработке металлов, программному обеспечению проектирования, ЭВМ и др. Размещалась информация о трудах ученых НЭТИ, материал к различным знаменательным датам. В № 11 за 1986 год опубликован рекомендательный указатель «ЭВМ в вузе». В 6-м номере за 1985 год напечатана статья, посвященная 175-летию Фридриха Шопена. В № 8 за 1986 год — заметка зав. абонементом художественной литературы «Классики советской литературы. Вера Панова», в № 17 — «Лирика Леонида Мартынова» (о самом поэте и его стихах), в № 29 — «Искусство художника» (о художнике С. В. Герасимове). В № 4 за 1986 год опубликована статья «Я успел бы сделать...» — к 150-летию со дня рождения Н. А. Добролюбова, в № 29 «Поэт и время» — к 90-летию со дня рождения Н. Тихонова.

В статью «Прочитайте эти книги» библиотекарь М. Назырова предлагает читателям обратить внимание на литературу, посвященную Великой Отечественной войне: «9 мая исполнилось 40 лет, когда победоносно завершилась... битва... против... фашизма. ...К этой знаменательной дате были изданы лучшие художественные, документальные и мемуарные произведения о войне. В библиотеку нашего института поступили новые книги, повествующие о Великой Отечественной войне» [6]. В № 16 за 1986 год ст. библиотекарь О. Шатунова предлагает ознакомиться с книгами о Великой Отечественной войне в заметке «Трагедия и подвиг».

В исследуемый период в газете печатались статьи, в которых библиотека приглашала к сотрудничеству кураторов — «Кураторам студенческих групп»: «Работники научной библиотеки института подготовили 35 бесед и обзоров литературы для кураторов. Для

проведения «Часа куратора» предлагается следующая тематика: идеологическая борьба на современном этапе, молодежь мира сегодня, искусство общения...». Одновременно кураторам групп предлагалось подать заявки на разработку новых тем и оказание помощи в проведении массовых мероприятий [7].

В газете «Энергия» за 1985 год нет ни одной заметки о проведении в отделах библиотеки книжно-иллюстративных выставок, просмотров, о культурно-массовых мероприятиях. Только в единственном номере за 1986 год (№ 6) встречается одна заметка о проведении в отделах библиотеки книжно-иллюстративных выставок: «Вуз и научно-технический прогресс», «Применение ЭВМ в учебном процессе», «Вклад ученых НЭТИ в научно-технический прогресс».

Вузовская газета ТПУ «За кадры» выходит с 15 марта 1931 года, и все это время многотиражка многосторонне освещала жизнь старейшего технического вуза Сибири, знакомила политехников с событиями, которые происходили в родной Almaty и были неотъемлемой частью истории страны. В 1985 и 1986 гг. газета выходила в формате А3, объемом от 4 до 12 полос. В 1985 году было издано 79 номеров, в 1986 — 75 номеров. Цена газеты — 2 коп.

Как и в газете ОмПИ «Политехник», большинство библиотечных публикаций газеты «За кадры» освещали выставочную деятельность и новые поступления литературы. Из наиболее распространенных тем книжно-иллюстративных выставок можно выделить следующие: выставка, посвященная 40-летию Победы в Великой Отечественной войне «Мир отстояли — мир сохраним»; выставка к 50-летию сталинского движения — в рубрике «Новые выставки» в № 54 за 1985 г.; выставка «Дважды орденоносный» — об истории института («За кадры», 1985, № 55). В № 20 за 1985 г. под названием «Новые книги политехников» размещен библиографический обзор новинок, поступивших в библиотеку. Заметки о новинках были написаны сотрудниками абонемента художественной литературы, СБО, читального зала. Новинки художественной литературы размещались под заголовком «Разные по жанру». В газете публиковались и тематические библиографические обзоры, например, «Война. Народ. Победа» («За кадры», 1985, № 32), «Советуем почитать» («За кадры», 1985, № 38). В выпусках за 1986 год также размещалась информация о новых книгах, например, «Новые книги» («За кадры», 1986, № 11), «Новинки на абонементе» отдела художественной литературы («За кадры», 1986, № 22). Выставки за 1986 год были представлены для абитуриентов — «Тебе, абитуриент» («За кадры», 1986, № 46 — 47). Дню знаний были посвящены выставки во всех отделах библиотеки: «Знания — живому делу» (вестибюль НТБ). «Выставки, посвященные празднику знаний, открыты также в читальных залах и на абонементе. Читальный зал младших курсов представляет вниманию студентов выставку «Знание есть сила». Зал старших курсов — «Студент — будущий инженер». На абонементе учебной литературы оформлена выставка «Тебе, первокурсник», на абонементе научной литературы — «Обучение на пороге XX века...» [8].

Часть материалов газеты была посвящена проблеме сохранности фондов. Например, в статье «Как спасти книгу?» [9] говорится о значении книги в жизни человека и поднимается вопрос порчи книг и журналов. В следующем номере напечатан отклик от студентов и преподавателей: «...Входя в библиотеку, вы вступаете в Храм книги. И отношение ко всем

его богатствам должно быть бережное. Ценили и любили книгу мыслители всех времен...» [10]. В статье «Для забывчивых читателей» размещена информация для читателей-задолжников о мероприятии «Декада забывчивых читателей», в период которого необходимо сдать книги в библиотеку [11]. В статье «О чем плачут книги» говорится об «экране читательской задолженности», библиотекари абонемента учебной литературы проинформировали, сколько книг задолжали студенты и сотрудники в библиотеку, «...сколько сдано после неоднократных наших напоминаний и какое количество еще «брошено» по рукам забывчивых читателей» [12].

В № 74–75 за 1986 год размещен материал по истории библиотеки и о ее развитии: «1936 год. Художественный фонд составляет 175 экземпляров... 1974 год... площадь библиотеки 11000 квадратных метров. 1985 год. Произведено 2 миллиона 26 тысяч книговыдач, обслужено 529103 посетителя...» [13]. В материалах газеты за 1986 год встречается информация «Знакомься с патентной информацией» об открытии нового отдела библиотеки — специальных видов технической литературы [14].

Практически каждый материал в газете за 1986 год сопровождался фотографиями (сотрудники библиотеки за работой, читатели библиотеки, посещение выставок и т. п.).

«Книги, открывающие нас» — под таким названием зав. отделом идейно-воспитательной работы библиотеки Р. Городнева разместила информацию о конкурсе на лучшую читающую группу: «В целях формирования читательского вкуса, пропаганды литературы, направленной на коммунистическое воспитание молодежи... библиотека института объявляет конкурс на лучшую читающую группу» [15].

В целом в газете «За кадры» мало статей и заметок о культурно-массовых мероприятиях библиотеки. Большинство материалов связано с пропагандой книги и просьбами обращаться с ними бережно и сдавать вовремя. Нет материалов о самой библиотеке и ее отделах.

В основном массовая работа библиотек в 1985–1986 гг. была направлена на пропаганду чтения, книги и библиотеки в целом. Одни мероприятия были рассчитаны на широкий круг читателей, другие — на определенную целевую группу. Конечно, от многотиражных газет нельзя требовать полномасштабного раскрытия всех сторон деятельности библиотеки,

тем не менее представленные материалы в исследуемых газетах (публикации о выставках, интервью с библиотекарями, характеристика деятельности библиотеки, мероприятия с участием библиотек) раскрывают особенности культурно-массовой работы библиотеки того времени.

Библиографический список

1. Курочкина, Л. Справочно-поисковый аппарат / Л. Курочкина // Политехник. — 1985. — № 25. — С. 4.
2. Андриюшина, О. Твоя библиотека / О. Андриюшина // Политехник. — 1986. — № 25. — С. 4.
3. Хазанова, И. Лаборатория культуры студенческого труда / И. Хазанова // Политехник. — 1986. — № 17. — С. 3.
4. Собрались библиотекари // Политехник. — 1985. — № 32. — С. 3.
5. Михайлов, С. Библиотекарь / С. Михайлов // Политехник. — 1985. — № 31. — С. 4.
6. Назырова, М. Прочитайте эти книги / М. Назырова // Энергия. — 1985. — № 15. — С. 4.
7. Кураторам студенческих групп // Энергия. — 1985. — № 21. — С. 3.
8. Городнева, Р. В залах НТБ / Р. Городнева // За кадры. — 1986. — № 50. — С. 4.
9. Васильева, В. Как спасти книгу? / В. Васильева // За кадры. — 1985. — № 3. — С. 2.
10. Не дадим в обиду книгу! // За кадры. — 1985. — № 5. — С. 3.
11. Для забывчивых читателей // За кадры. — 1986. — № 25. — С. 4.
12. Зелепучина, С. О чем плачут книги / С. Зелепучина // За кадры. — 1986. — № 28. — С. 3.
13. Гончарова, Л. Из истории библиотеки / Л. Гончарова // За кадры. — 1986. — № 74–75. — С. 5.
14. Клепнев, С. Знакомься с патентной информацией / С. Клепнев, В. Новиков // За кадры. — 1986. — № 28. — С. 3.
15. Городнева, Р. Книги, открывающие нас / Р. Городнева // За кадры. — 1986. — № 67. — С. 4.

НАЙМУШИНА Наталья Сергеевна, аспирантка кафедры отечественной истории, заведующая сектором библиотеки.

Адрес для переписки: konovalova_ns@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 13.09.2013 г.

© Н. С. Наймушина

Книжная полка

Никитюк, В. А. Методические рекомендации к семинарским и лекционным занятиям по новой и новейшей истории стран Азии и Африки / В. А. Никитюк. — М. : Прометей, 2012. — 60 с. — ISBN 978-5-7042-2306-1.

Методический материал к занятиям по курсу «Новая история стран Азии и Африки» предназначается для студентов исторических факультетов педагогических вузов. Материалы могут быть использованы при изучении базового курса новой истории.

Рафалюк, С. Ю. Clio-science. Проблемы истории и междисциплинарного синтеза : сб. науч. тр. Выпуск II / С. Ю. Рафалюк. — М. : Прометей, 2011. — 424 с. — ISBN 978-5-4263-0008-8.

Во второй выпуск серии научных трудов исторического факультета МПГУ вошли статьи преподавателей, аспирантов, докторантов, магистрантов и студентов университета, посвященные актуальным проблемам исторической науки и социально-гуманитарного познания. Сборник предназначен для научных работников, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов, а также для всех интересующихся историей.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РЕСПУБЛИКАХ ПРИБАЛТИКИ В 1985—1991 гг. КАК СЛЕДСТВИЕ ВЛИЯНИЯ СИНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Статья посвящена политическим изменениям в республиках Прибалтики в годы перестройки (1985—1991 гг.). Начавшиеся политические изменения анализируются через призму синергетического подхода, где ключевыми понятиями являются — понятия «точка бифуркации», «теория хаоса» и т.д. Исследуя политические процессы с точки зрения синергетического подхода, можно выстроить целостную картину событий, происходивших в годы перестройки в республиках Прибалтики, когда искусственно создавался «хаос», в котором участвовало все население Прибалтики. И, благодаря создававшемуся «хаосу», проступали будущие контуры независимости трех Прибалтийских республик — Латвии, Литвы и Эстонии.

Ключевые слова: Прибалтика, перестройка, «теория хаоса», независимость, революция.

В последнее время понимание многих процессов, происходящих в мире, невозможно без определенной теоретико-методологической базы в синергетической сфере. Стоит упомянуть процессы, происходящие в Египте, Ливии, Тунисе, Сирии, — во многом они развивались по одному и тому же сценарию, правда, с местным колоритом в каждой отдельной стране. Необходимо также сказать, что в Сирии они ещё не закончились. И неизвестно, сколько там будут продолжаться столкновения между официальной властью и вооруженной оппозицией. Благодаря созданию хаоса в арабских странах Азии и Африки за последние 2 года стало возможным для отдельных западных стран контролировать многие процессы в арабском мире, тем самым оказывая давление в первую очередь на Иран и ряд других стран. Подобные концепции создания хаоса стали применяться не сегодня и даже не 2 года назад. Примером эффективного проведения целой серии мероприятий по созданию хаоса могут служить события, связанные с распадом Советского Союза. Весьма интересными нам представляются процессы, происходившие в республиках Прибалтики в 1987—1991 гг., когда за короткий промежуток времени (буквально за год-полтора) обстановку удалось накалить до предела, разжигая межнациональную рознь между коренными и некоренными народами.

Представление о революции в Прибалтике базировалось на социально-синергетической теории, и, соответственно, хаотическим процессам отводилась ведущая роль. Фундаментальная идея, заимствованная из синергетики, заключается в том, что в экспериментальном социуме в первую очередь необходимо создать нестабильное состояние. Такое состояние удалось создать в результате возникновения и активной деятельности общественно-политических движений — Литовского «Саюдиса», Народных фронтов в Латвии и Эстонии¹. Изначально указанные движения двигались в фарватере поддержки курса перестройки, и с первых месяцев своей деятельности они стали массовыми. К примеру, «в считанные месяцы своего существования, — как пишет

Д. Е. Фурман, — НФЭ «завоевывает» Эстонию. Уже с 4 июня 1988 г. в Эстонии действует 1100 «групп поддержки». 17 июня происходит первый «смотр сил» Народного фронта — на Певческом поле организуются проводы делегатов XIX партконференции, туда приходят — 100—150 тыс. человек [1]. Примерно так же развивались события в Литве и Латвии, а в НФЛ даже была создана русская подсекция. Связано это было со сложившейся демографической ситуацией, когда примерно 49 % населения республики, по данным переписи 1989 г., относили себя к русскоговорящим гражданам [2].

Цели непосредственных исполнителей «Прибалтийских революций» были возвышенными, и они были готовы отдать жизнь в борьбе за торжество демократических ценностей и национальное пробуждение, но в действительности в них реализовалась программа действий по созданию политического хаоса, который объективно дестабилизировал обстановку в целом по стране. Главная цель общественно-политических изменений в республиках Прибалтики — хаос, вызывающий дезинтеграционные процессы на территории СССР. Таким образом, хаос, который создавался на всём пространстве Советского Союза, преднамеренно приводился в движение путем начавшихся в Европе «бархатных революций», возможно спланированных в секретных кабинетах западных спецслужб. Хотя и роль Лубянки в этом процессе не до конца изучена.

По существу, «прибалтийские революции» означали переориентацию общественно-политических деятелей, которые во многом становились прозападными политиками, а некоторые из них жили в эмиграции в течение многих десятилетий. Известно, что В. Вике-Фрейберга² хоть и родилась в Латвии, но почти всю жизнь прожила в Канаде [3], а нынешний президент Эстонии — Тоомас Хендрик Ильвес, который родился в Швеции, а детские и юношеские годы провел в США [4].

В связи с этим М. Ремизов пишет: «Революции всегда в той или иной степени служат целям внешних агентов (хотя бы потому, что в краткосрочном плане

они ослабляют общественный организм) и как-то инспирировались извне. Но в великих революциях «внешний фактор» был именно внешним, приходящим по отношению к самому революционному акту. В случае «бархатных революций» все иначе: поддержка извне является их внутренней чертой, входит в онтологию событий, становится краеугольным камнем новой легитимности» [5].

Внешние агенты, заинтересованные в дезинтеграции советского государства, — важный, но недостаточно серьезный фактор революционного переустройства нашей страны за последние 25 лет. Как отмечает М. С. Ельчанинов: «Нужен сильный внутренний аттрактор, более сильный, чем политическая власть правящей элиты, которой придется защищать свою легитимность» [6]. Поэтому, на подготовительном этапе революционных изменений в республиках Прибалтики, нужно было создать общественные организации, способные организовать стихийные антиправительственные выступления. Такими организациями и стали указанные выше Народные фронты Латвии и Эстонии, литовский «Саюдис». Это основной момент в организации оппозиционных сил, т.к. без широкой общественной поддержки оппозиция могла оказаться малочисленной и неспособной повлиять на происходящие события. Резкие выступления против существующей власти произвели сильное впечатление на интеллектуалов. Основу этих движений как раз и составила интеллигенция, которая сумела мобилизовать народы Прибалтики. И тем самым заявить о себе как общенародных движениях, поддержанных различными категориями населения с политическими убеждениями.

Таким образом, формирование ярких общественных организаций, нацеленных на приход к власти, является исключительно важным фактором общественно-политических изменений в республиках Прибалтики.

На этапе создания различных общественных структур, оппозиционных официальной власти, первостепенное значение приобретала проблема их материального характера. Без серьезного материального фактора коренные изменения практически невозможны, хотя на Западе и позиционировали их как чисто спонтанный протест против недемократической власти. Для революции необходимы приличные вложения, и здесь без спонсора не обойтись. В республиках Прибалтики таким спонсором чаще становилась действующая власть. Известно, что Компартия Литвы отчисляла на деятельность «Саюдиса» значительные материальные средства. Как пишет в своих воспоминаниях Н. И. Рыжков в «Трагедии великой страны»: «Не осталось в стороне и тогдашнее руководство Компартии Литвы и республиканской комсомольской организации. Уже в том же октябре 1988 года оно распорядилось отчислять несколько процентов от партийных и членских взносов на поддержку «Саюдиса»..., благодаря чему руководство «Саюдиса» к декабрю 1988 года располагало средствами во многие сотни тысяч рублей» [7, с. 165]. Также у данной общественной организации была огромная поддержка со стороны СМИ республики — телевидения, радио, газет. К тому же в информационном пространстве республик Прибалтики начинают играть мировые СМИ, которые транслируют альтернативное видение многих событий, происходивших в то время в республиках Прибалтики. Когда, например, события 23 августа 1989 г. (знаменитая акция «Балтийский путь». — А. П.) освещали не только советские СМИ, но и иностранные [7, с. 177].

Тем самым иностранные СМИ поддерживали начавшиеся изменения в республиках Прибалтики и даже сотрудничали с общественно-политическими движениями. В результате подобных действий со стороны иностранных СМИ популярность «Саюдиса», Народных фронтов в республиках Прибалтики и за её пределами возрастала.

В ходе «революции» в Прибалтике отмечалось непрерывное противостояние в символическом пространстве. В нём реализовывались различные идеи, создавались имиджи и представления. В этой ситуации участники многих акций, направленных на делегитимацию власти, апеллировали одновременно и к сознанию, и подсознанию, и поэтому в процессе работы СМИ с населением удалось применить весь комплекс методов манипуляции общественным мнением. Манипулирование массовым сознанием было необходимым для создания хаотического состояния в политическом поле. Хаос приводил к резкому ослаблению бюрократической машины, так как чиновники не знали, что делать в новой, неопределенной ситуации, по поводу которой у них не было четких инструкций и правил. Народные движения в республиках Прибалтики создавались и действовали с позиции искусственно создаваемого хаоса, чутко реагируя на все изменения, происходившие в то время в обществе. И поэтому им удавалось во многом одерживать победы над представителями Компартий и Интердвижений, сначала в ходе выборов в народные депутаты СССР (1989 г.), затем в ходе выборов в Верховные Советы прибалтийских республик. Например, как отмечается в работе «Весна-89. География и анатомия парламентских выборов»: «Шестые «Саюдиса» на выборах в Литве было триумфальным. Как уже отмечалось, его кандидаты завоевали 36 мандатов из 42» [8]. Тем самым представители указанных выше народных движений получили политическую трибуну, причем на союзном уровне, где их требования были услышаны всеми гражданами Советского Союза. И затем уже были реализованы в ходе работы сессий Верховных Советов республик.

В итоге замысел подобных социально-политических изменений базируется на идее преднамеренной активации хаоса в неустойчивом обществе, которое становится объектом информационно-психологического противостояния со стороны серьезных внешних сил. Согласно этой идее, социальный хаос можно инициировать искусственно, с помощью резонансных коммуникативных технологий, которые строятся на основе тонкого, акцентированного воздействия на ментальные схемы людей. Как отмечает Г. Г. Почепцов, «моделью резонанса можно считать ситуацию, где информационный вход намного меньше информационного выхода» [9]. В результате резонансная коммуникация резко активизирует установки, стереотипы и предубеждения общественного сознания, порождая аномально сильный эффект воздействия на массы. Что во многом говорит о целенаправленной манипуляции сознанием народов Прибалтики.

Казалось бы, политическая элита жестко контролирует все ресурсы государственной власти, но в данной ситуации многие представители политической элиты в республиках Прибалтики переходили к прямой поддержке Народных фронтов Латвии и Эстонии, литовского «Саюдиса». Вот почему в состоянии неустойчивого равновесия случайность играет значимую, а иногда и решающую роль.

Необходимо отметить, что в этой ситуации возрастает роль случайности, которая в конечном итоге

может поставить вопрос о легитимности действующей власти. В кризисной ситуации механизм государства перестал срабатывать и чутко реагировать на резкие изменения. В результате чего инициатива переходила к тем общественно-политическим движениям, организациям, которые позиционировали себя как альтернатива действующей власти.

Принципиально важным аспектом коренных изменений в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. являлась активизация протестных настроений. Массы ещё были не готовы самостоятельно выражать своё недовольство действующей властью и, как следствие, не могли сформировать своё политическое движение. В результате протест населения рисковал приобрести стихийный характер и мог вылиться в вооруженное противостояние с действующей властью, а это не отвечало идеалам, заявленным в программных документах.

Рассматривая проблему революции, М. С. Ельчанинов оценивает, что «введение хаоса нужно было для того, чтобы осуществить конъюнктурную переоценку ценностей и одновременно создать условия для легитимации новых правил политической борьбы. Как показывает опыт революций, многие элементы, постоянно репродуцируемые в ходе революционного спектакля, отвлекают реальные силы государства от решения других проблем, и это, без сомнения, усугубляет нестабильность в стране. В неустойчивой ситуации резко усиливается внушаемость масс, что позволяет оппозиции разрабатывать различные сценарии, более яркие и наглядные, чем формальная бюрократическая рутинка. Эти сценарии, использующие мифологемы свободы, равенства и справедливости, предлагают народу весьма привлекательные абстрактные альтернативы будущего и направляют тем самым массовое социальное недовольство в соответствующее политическое русло. Напротив, бюрократический аппарат может предложить народу лишь свои прошлые конкретные ошибки и преступления» [6].

Таким образом, подлинная цель «Прибалтийских революций» в конце XX в. заключалась не столько в модернизации республик Прибалтики и борьбе за национальное возрождение, сколько в избирательном переструктурировании властвующей элиты, которая в новом качестве полностью подконтрольна западным странам. Во многом благодаря хаосу, который искусственно создавался в годы перестройки в республиках Прибалтики, стал возможен распад Советского Союза и переориентация политических элит стран Балтии на союз с США и Евросоюзом. Во многом в результате коренных изменений в начале 90-х XX в. политический истеблишмент современных стран Балтии ведет себя по отношению к России вызывающе, когда начинает выдвигать серьезные требования о материальной компенсации за «советскую оккупацию» и выступает вместе с другими западными странами за пересмотр итогов

Второй мировой войны. Следует отметить, что указанные действия вполне согласованы с администрацией США и направлены не только на подрыв международного авторитета современной России, а также на политическую дезинтеграцию.

Примечание

¹ НФЛ и НФЭ.

² Президент Латвии с 1999 по 2007 гг.

Библиографический список

1. Фурман, Д. Е. Становление политической организации в современной Эстонии. Выпуск 4. – М. : Аналитический центр по проблемам социально-экономического и научно-технического развития, 1991. [Электронный ресурс]. – URL: <http://archive.org/details/estonia> (дата обращения: 02.12.2012).
2. Национальный состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи 1989 года / Госкомстат СССР. – М. : Финансы и статистика, 1991. – 160 с. – ISBN 5-279-00666-1.
3. Президенты Латвийской Республики / Подробная биография Президента Латвии д-ра Вайры Вике-Фрейберги [Электронный ресурс]. – URL: http://www.president.lv/pk/content/?cat_id=1297&lng=ru (дата обращения: 21.10.2012).
4. Биография президента Эстонской Республики Тоомаса Хендрика Ильвеса [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.president.ee/ru/president/biography/index.html> (дата обращения: 21.10.2012).
5. Ремизов, М. Неоколониальная революция: осмысление вызова. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.apn.ru/chapter_name (дата обращения: 25.09.2012).
6. Ельчанинов, М. С. Ещё раз о возможности революции в современной России [Электронный ресурс]. – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/007/636/1219/Elchaninov_6.pdf (дата обращения: 25.09.2012).
7. Рыжков, Н. И. Трагедия великой страны. Николай Иванович Рыжков. – М. : Вече, 2007. – 656 с. – ISBN 978-5-9533-2105-1.
8. Весна-89. География и анатомия парламентских выборов / Под ред. В. А. Колосова. – М. : Институт географии АН СССР и географический факультет МГУ, 1990. – 337 с. – ISBN 5-01-003095-0.
9. Почепцов, Г. Г. Революция. соп. Основы протестной инженерии. – М. : Европа, 2005. – 532 с. – ISBN 5-9739-0015-0.

ПОТАПОВ Александр Константинович, соискатель по кафедре современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, методист отдела духовного образования и катехизации Дворца культуры и семейного творчества «Светоч». Адрес для переписки: poalexk@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.03.2013 г.

© А. К. Потапов